

Василий Михайлович Пронин
Александр Дмитриевич Бубнов
В ставке Верховного Главнокомандующего
Серия «Военные мемуары (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653842
Александр Бубнов, Василий Пронин. В Ставке Верховного Главнокомандующего: Вече; Москва;
2014
ISBN 978-5-4444-1665-5, 978-5-4444-8117-2

Аннотация

Предлагаемая читателю книга содержит воспоминания контр-адмирала А. Д. Бубнова и полковника Генерального штаба В. М. Пронина о Ставке Верховного Главнокомандующего государя императора Николая II в годы Первой мировой войны и революции. Авторы воспоминаний стали свидетелями важных исторических событий в жизни России начала XX в. На страницах книги рассматриваются триумфы и поражения русской армии, жизнь царской семьи и отношение офицерства к тем или иным событиям. Их взгляд – взгляд очевидцев – интересен и по сей день.

Содержание

А. Д. Бубнов	5
О втором российском издании мемуаров контр-адмирала А. Д.	5
Бубнова «В Царской Ставке»	
Предисловие	9
Часть I	12
Глава I	12
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	25
Глава VII	30
Глава VIII	33
Глава IX	39
Глава X	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Бубнов, Василий Пронин

В Ставке Верховного

Главнокомандующего

© Гончаренко О. Г., предисловие, 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

А. Д. Бубнов В Царской Ставке

О втором российском издании мемуаров контр-адмирала А. Д. Бубнова «В Царской Ставке»

Ординарный профессор югославской Морской академии контр-адмирал русской службы Александр Дмитриевич Бубнов доживал свой век в заштатном словенском городке Краньи, подобно многим его соотечественникам вдали от берегов Отечества. Там он и умер в 1963 г., когда мир вокруг него успел измениться до неузнаваемости.

Отгремела 2-я мировая война, была перекроена карта Европы, а в самой Югославии власть уже давно перешла из королевских рук в руки парламентариев «народно-демократического» правительства коммуниста Иосипа Броз Тито.

За годы, что пришлось прожить в этой балканской стране, адмирал успел вложить немало сил в подготовку и воспитание морских офицеров приютившего многие тысячи русских беженцев гостеприимного государства и в конце жизни пребывал на заслуженном отдыхе.

Он хотел написать воспоминания о себе, ибо у него было, о чем поведать любопытным потомкам. Чего только стоило описание учебы в петербургском Морском корпусе, откуда он вместе со сверстниками-гардемаринами был выпущен в 1902 г., да и этапы блистательной карьеры в российском Императорском флоте, с описанием участия автора в чине мичмана в Русско-японской войне, непременно нашли бы своего читателя. Одна только история о плавании на броненосце «Орел», в составе 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского и тяжелое ранение молодого мичмана в Цусимском сражении стоила целого романа!

Было чем гордиться автору и на академическом фронте, следствием чего стала его служба в Морском Генеральном штабе и выпуск первой книги в 1911 г. под названием «Высшая тактика»…

Справедливости ради заметим, что сам Александр Дмитриевич Бубнов не был военным теоретиком в прямом смысле этого слова. За краткой «передышкой» в стенах штаба и тиши библиотек, в 1914 г. последовали его новые военные походы, на этот раз на крейсер «Диана», входившем в состав русских военно-морских сил на Балтийском театре военных действий.

Судьба или протекция – неизвестно, что в точности, сыграло решающую вскоре роль в откомандировании молодого флотского офицера с передовой прямо в Ставку Верховного Главнокомандующего, тогда великого князя Николая Николаевича.

Должность начальника морского управления при Ставке, которую получил Бубнов, общепризнанно считалась пиком военной карьеры любого офицера Морского Генерального штаба.

Взлету карьеры Бубнов был обязан своим талантам, и в некоторой степени и стараниям морского министра адмирала И. К. Григоровича. 1915 г. стал переломным в жизни молодого капитана 2-го ранга Александра Бубнова, отведя ему свою роль созерцателя великой истории. Сделавшись невольным свидетелем событий столь эпохального масштаба, в конце жизни Бубнов пришел к выводу, что перед ними померкли бы любые, даже самые яркие биографии частного лица.

Тогда автором было решено посвятить их своей службе в Ставке, а также всем последующим событиям, разворачивавшимся там до самого конца Российской империи в 1917 г.

…Впервые книга эта увидела свет в нью-йоркском русском издательстве имени Чехова более полувека назад, в 1955 г., рукопись ее была выслана туда автором из «социалистической» Югославии с надеждой на скорое опубликование в «свободном мире».

Уверенность автора в том, что его труд окажется непременно опубликованным, основывалась еще и на том, что знаменитое либеральное издательство с удовольствием бралось печатать труды, мягко говоря, далекие от апологетики Государя и вообще Царствующего Дома Романовых. Делалось это отчасти в пику широкой волне русских зарубежных монархических публикаций, отчасти потому, что финансировалось оно людьми далеко не монархических взглядов.

Ожидания автора оправдались.

Либералам российской эмиграции было хорошо известно, что далеко не все, кто по долгу службы находился во время Великой войны (1914–1917) в Ставке, исповедовал монархические принципы, а иные из них в те годы даже бравировали своей оппозицией к Государю. И хотя часть этих людей впоследствии раскаялись в собственном предательстве и легкомыслии, даже спустя годы среди русского зарубежья продолжала оставаться устойчивая группа лиц, часть до самых последних дней, продолжавшая фрондировать собственной изменой в феврале 1917-го. Адмирала, не раздумывая, взялись опубликовать.

Разумеется, в оценке личности Бубнова невозможно безоговорочно утверждать, что он до конца дней своих принадлежал именно к той части эмигрантов, однако на протяжении многих лет считал своим долгом поддерживать репутацию либерала.

В остальном – научный работник Бубнов был далек от праздного суесловия собратьев по мемуарному цеху, и даже в написанных им без должного питета воспоминаниях о службе в Ставке стремился соблюсти формальную корректность в описании Государя.

Суховатые по стилю, его очерки жизни Ставки по-прежнему интересны историкам, ибо, к счастью, адмирал Бубнов не страдал графоманией. Завершив свой повествовательный труд, он не продолжил череду «осмыслений» прошлого, посчитав, что сказал в книге достаточно для будущего суда потомков.

Объясняется это еще и тем фактором, что для пустых и бессмысленных литературных упражнений у адмирала просто не было времени. Другие интересы занимали его, и в первую очередь желание восполнить пробел в российской военно-морской науке, образовавшийся в силу объективных обстоятельств за десятилетия после октябрьского переворота.

Словно бы состязаясь с другим крупным теоретиком русской военной эмиграции той поры – генералом Н. Н. Головиным, в течение целого года в парижском «Морском журнале», издававшемся во Франции в 1928–1941 гг., Бубнов опубликовал ряд статей под общим названием «Мысли о воссоздании Русской морской вооруженной силы».

Не удовлетворившись научной публицистикой, в конце 1920-х гг. в Праге Бубнов подготовил к изданию и опубликовал свой труд «Русская морская проблема», а всего четыре года после того в Югославии появилась на свет его трехтомная монография, именуемая «История военно-морского искусства».

В 1937 г. вышла другая книга Бубнова, становившегося все более знаменитым в русском зарубежье военно-морским теоретиком, под названием «Проблемы Босфора», изданная на французском языке, дабы увеличить аудиторию лиц, кому она была адресована.

Работа над подобными фундаментальными трудами требовала строгого научного подхода, неторопливого анализа и взвешенности выводов и не располагала к параллельному сочинению легковесной мемуаристики хотя бы по причине ограниченности автора во времени.

В довершение всего и активное членство Бубнова в Русском научном институте в Белграде продолжало отнимать некоторую часть свободного времени.

Следует заметить, что мемуары адмирала, увидевшие свет уже в новых общемировых исторических условиях, во многом задумывались автором как отчет о прожитой эпохе, но не претендовали на полную объективность и приемлемость всеми читателями его взглядов и убеждений.

Вышедшие в свет в ту пору, когда самому Бубнову было уже за семьдесят, они предполагали долю правдивости в преддверии Высшего суда, ожидавшего автора за гробом, но даже с учетом этого фактора далеко не все в эмиграции посчитали, что Бубнов оказался беспристрастен, даже стоя перед лицом Вечности.

После выхода книги многие современники даже успели попенять автору, что после отречения Государя адмирал Бубнов не только не оставил службы, как того требовал долг верноподданного, но продолжил служить масонскому Временному правительству, за что 8 июля 1917 г. произведен в контр-адмиралы.

Вскоре после публикации мемуаров Бубнова в Соединенных Штатах на соседнем континенте, в аргентинской восьмиполосной газете «Наша страна», одним из ее рецензентов были едко подмечены весьма сомнительные высказывания автора, характеризующие его отношение к правящей династии и к воинскому долгу как таковому. Рецензентом было недвусмысленно указано и на готовность автора принять участие в перевороте, замышлявшемся генерал-адъютантом М. В. Алексеевым, начальником штаба Верховного Главнокомандующего, и рядом других военных и статских должностных лиц.

Для иллюстрации позволим себе привести здесь лишь небольшой отрывок из обширной рецензии автора:

«...Чины Ставки жили и... другими... интересами, которые сплачивали их всех в ненависти к Царю. Это ясно видно из следующего признания адмирала Бубнова: “Не успели мы окончательно разместиться в Могилеве, как нас точно громом поразила весть о смене Великого Князя (Николая Николаевича. – О. Г.) и принятия Государем Императором должности верховного Главнокомандующего. Мы все, проникнутые безграничной преданностью Великому Князю... были этим совершенно подавлены...” И далее следует весьма любопытное признание. “В душах многих зародился, во имя блага России, глубокий протест, и, пожелай Великий Князь принять в этот момент какое-либо крайнее решение, мы все, а также и Армия, последовали бы за ним...”

Будущие историки поблагодарят адмирала Бубнова за это откровенное признание, что чины Верховной Ставки готовы пойти на измену присяге и на государственный переворот во время войны по первому слову Великого Князя Николая Николаевича. “Атмосфера взвышенных чувств” оказывалась явной атмосферой измены воинской присяги в военное время национальному вождю страны».¹

Разумеется, как и многие заговорщики, явные и скрытые, проявившие себя в постановке государева отречения в марте 1917 г., вскоре после падения монархии получили пре沃сходную возможность оценить результаты собственных интриг на собственном опыте. Не стал исключением, правда, в самой минимальной степени и сам адмирал Бубнов.

После 25 октября 1917 г. он не только поспешил подать в отставку, словно бы предвидя грядущие ужасы большевизма, но и, памятуя о кровавых расправах над офицерами и адмиралами в Гельсингфорсе и Кронштадте в мартовские дни 1917 г., поспешил поскорее покинуть пределы России, направившись в республиканскую Францию.

Пребывая в Париже, в конце 1918 г. адмирал был вновь востребован для службы, на этот раз верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком, и даже включен заочно в состав русской делегации на Версальской мирной конференции, возглавляемой бывшим министром иностранных дел империи С. Д. Сазоновым.

---

¹ Аскольдов К. Адмирал Бубнов. В Царской Ставке // Наша Страна, № 373, Буэнос-Айрес, 1955.

Как известно, делегация эта, стараниями победивших держав, не была даже допущена на конференцию, и адмирал в числе прочих ненадолго вернулся в Россию, поступив в распоряжение Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина.

В ту пору Добровольческий флот начинал понемногу восстанавливаться, и 3 мая 1919 г., после прибытия остатков русской Черноморской эскадры из Севастополя в Новороссийск, Бубнов был назначен начальником дивизиона миноносцев, а в конце лета того же года получил пост начальника штаба командующего белым Черноморским флотом вице-адмирала Дмитрия Всеолодовича Ненюкова (1869–1929).

Впрочем, эта служба под началом адмирала Ненюкова оказалась для Бубнова весьма краткосрочной. 8 февраля 1920 г. он был уволен генералом Деникиным за поддержку кандидатуры генерала Врангеля на место командовавшего в Крыму генерала Шиллинга, и тем самым его участие в Гражданской войне в России окончилось.

В эмиграции, до начала 2-й мировой войны, он проживал в Дубровнике, а после войны – в городе Кранье, в Словении.

Бубнов был одним из последних, но все же еще далеко не последним из чинов императорского и добровольческого флотов, окончивших свои дни на чужбине.

Если верить утверждениям энтузиастов-любителей тематики русского морского зарубежья, сочинивших немало больших и малых очерков по теме в конце XX – начале XXI века, последним из офицеров российского Императорского флота стал лейтенант Алексей Владимирович Цытович выпускника Морского корпуса 1913 г., окончивший свои дни в 1983 г. в Лондоне…

Последним офицером Белого флота стал мичман Сергей Сергеевич Аксаков 1920 г. выпуска русского Морского корпуса в Бизерте, скончавшийся в 1987-м в Буэнос-Айресе.

И, наконец, 15 лет тому назад, в Сиэтле скончался лейтенант Николай Семенович Запорожцев, выпускник 1917 г. Школы мичманов военного времени.

Поколение русских морских офицеров, служивших под Андреевским флагом империи, ушло в вечное плавание… Наступило время их воспоминаний.²

*1 марта 2008 года
О. Г. Гончаренко,
исследователь и публицист,
доктор исторических наук*

---

² Издательство «Вече» публикует воспоминания А. Д. Бубнова с сохранением орфографии издания 1955 г. (Нью-Йорк, изд-во им. Чехова).

Предисловие

Два органа верховной власти стояли во главе России во время 1-й мировой войны: правительство и верховное командование вооруженными силами, взаимоотношения которых были лишь весьма неполно и неопределенно установлены введенным наспех с началом войны «Положением о полевом управлении войск в военное время», каковое к началу войны не было еще окончательно разработано.

На этот недостаток «Положения» сознательно закрывали глаза, полагая, что единство действий этих двух органов верховной власти будет в полной мере обеспечено личностью царя, так как предполагалось, что в случае большой войны он будет совмещать обе должности: главы государства и Верховного Главнокомандующего вооруженными силами.

При этом, однако, упускалось из виду, что полное и успешное единство действий таких двух органов верховной власти могло бы быть вполне обеспечено лишь в том случае, когда бы громадное бремя этих должностей нес на себе такой гениальный правитель, каким был Петр Великий.

Между тем император Николай II таким гением не был. Но и помимо этого, он, вопреки предположениям, не принял на себя верховное командование вооруженными силами, и таким образом исчезла даже самая возможность полного единства действий обоих органов верховной власти, мыслимая лишь при объединении их обоих в одних руках.

Поэтому-то в Англии и во Франции, победоносно окончивших войну, вся полнота гражданской и военной верховной власти была сосредоточена в так называемом военном кабинете.

У нас же в то время как верховное командование – сначала в лице великого князя Николая Николаевича, а затем в лице ген. Алексеева, которому Государь всецело вверил верховное управление вооруженными силами страны, – стремилось добиться победы, верховное управление страной, в лице престола и правительства, вели ее своей пагубной внутренней политикой к погибели.

* * *

Оба органа верховной власти: правительство в столице и верховное командование в Ставке, если и не вступили сразу же после начала войны в открыто неприязненные отношения, то во всяком случае, вместо тесного единения, начали подозрительно относиться друг к другу.

В Ставке стали прислушиваться и приглядываться к тому, что говорят и делают в столице, то есть в правительственныех и придворных кругах, а в столице стали гадать и наблюдать за тем, что думает и предпринимает Ставка.

При этом тесного единения не было не только между гражданским управлением государством и верховным командованием, но не было его и в чисто военной сфере, ибо военный министр, на котором лежала громадная и ответственная задача снабжения и укомплектования армии, не был подчинен Верховному Главнокомандующему.

Между тем занимавший должность военного министра, бездарный интриган и оппортунист генерал Сухомлинов, пользуясь к сожалению, расположением Государя, занял по отношению к Ставке враждебную позицию, считая себя обойденным назначением великого князя Николая Николаевича, так как – со свойственным ему тщеславием и самомнением – полагал, что, в случае неприятния на себя Государем должности Верховного Главнокомандующего, на эту должность никто в России, кроме него, не имел права и не был бы способен ее выполнять.

И вот в столице – в известных кругах и при дворе – начали шептаться о том, что громадная популярность в России великого князя может причинить вред престолу, и стали намекать на то, что в Ставке могут появиться на почве этой популярности узурпаторские тенденции.

Слухи эти, конечно, тотчас же дошли до Ставки, которая начала подозрительно смотреть на разные мероприятия правительства, рассматривая их как стремление ограничить свободу действий верховного командования. В душе же рыцарски честного и преданного престолу великого князя слухи эти вызвали глубокое возмущение и обиду. Это побудило великого князя, – а по его указанию и Ставку – тщательно избегать всего, что могло бы дать этим слухам малейшую почву, и таким образом Ставка оказалась вынужденной не поднимать некоторых вопросов и не предпринимать известных действий, которые, однако, могли бы успешно повлиять на ход войны.

В частности, например, великий князь за всё время войны, которое он провел на посту Верховного Главнокомандующего, тщательно избегал общения с так называемыми «общественными» кругами, группировавшимися вокруг Государственной Думы, среди которых он пользовался большой популярностью; между тем в той гигантской борьбе, которую в 1-й мировой войне вела Россия, тесное единение общественности с армией должно было бы несомненно благоприятно влиять на ход этой борьбы.

Кроме того, великий князь никогда не посещал войска на фронте, всегда предоставляя это делать Государю, так как опасался вызвать такими посещениями подозрение в искации популярности среди войск. Между тем посещение великим князем войск, среди которых он действительно пользовался легендарной популярностью, могло бы, особенно в критические моменты операций, значительно способствовать благоприятному их ходу.

Великий князь был также вынужден отказаться от категорического требования смены высших военных начальников, оказавшихся не соответствующими своему назначению, но пользовавшихся благоволением Государя, и не мог решительно вмешиваться в дело снабжения армии, которое было в руках военного министра, подчиненного не ему, а Государю.

Лишь впоследствии, когда стало совершенно очевидным, что верховное управление страной не способно справиться со своей задачей и его деятельность может привести к поражению, великий князь – во имя спасения родины – отказался от чрезмерной осторожности в своих сношениях с ним и начал выступать с решительными требованиями различных мероприятий, но вскоре затем был сменен.

Таким образом, раздвоение верховного управления и отсутствие единства действий между обоими органами верховной власти отразились на свободе действий великого князя в деле выбора высшего командного состава, ограничили его влияние на дух вооруженных сил и отчуждали его от народа, на творческих и духовных силах которого основывалось спокойствие и плодотворная деятельность страны в тяжелую годину войны.

* * *

С самого начала войны симпатии и чаяния русской общественности разделились между этими двумя органами верховной власти: все честные и любящие свою родину люди, принадлежавшие по своим убеждениям к прогрессивно настроенным слоям общества, устремили свои взоры на Ставку, а всё, что было сосредоточено в «темных силах» распутинского толка, тесным кольцом охватило правительственные сферы и престол.

Между тем после принятия на себя Государем должности Верховного Главнокомандующего отчуждение верховного командования от общественности еще больше увеличилось, ибо Государь относился к ней с предубеждением.

Однако общественные круги, порвавшие связь с правительством, находившимся под влиянием «темных сил», ведших Россию к гибели, продолжали видеть в Ставке луч надежды

на спасение и стремились через посредство Штаба Верховного Главнокомандующего воздействовать на Государя, чтобы побудить его изменить пагубную для России внутреннюю политику престола и правительства.

* * *

Роль правительства и общественности во время 1-й мировой войны и их влияние на ее трагический исход в известной мере уже выяснены, но далеко еще не выяснены роль и влияние верховного командования на течение войны и ее исход.

Особенно же остается невыясненным волнующий вопрос: сделало ли верховное командование всё от него зависящее, чтобы этот трагический исход предотвратить; волнующий потому, что ведь оно руководило всей вооруженной силой страны и что к нему одному обращены были все чаяния русского народа.

Автор настоящих воспоминаний пробыл в Ставке всё время войны, сначала на подчиненных, а затем на руководящих должностях. Он был свидетелем, а в некоторых случаях и участником ряда неизвестных до сих пор истории решений, имевших решающее влияние на исход войны, и составил себе определенное суждение о том, каково было и каковым могло бы быть влияние верховного командования на этот исход, иными словами, каковы были причины нашего поражения в 1-й мировой войне, изложению чего и посвящены настоящие воспоминания.

Часть I

Верховное Командование при великом князе Николае Николаевиче

Глава I

Выступление Штаба Верховного Главнокомандующего на театр военных действий

Своим назначением в Ставку или, точнее говоря, в состав морского управления Штаба Верховного Главнокомандующего я был обязан тому, что в течение нескольких лет служил в Морском Генеральном штабе и занимал кафедру «общей тактики» в Николаевской Морской Академии.

Назначение это застало меня в Кронштадте, на крейсере «Диана», откуда я тотчас же выехал в Петербург, где Ставка формировалась.

В Петербурге мною было получено приказание обзавестись походным обмундированием защитного цвета и выбрать себе верховую лошадь в эскадроне Академии Генерального штаба. Последнее меня немало озадачило, так как, хотя мы, моряки, искони отличались неудержимым влечением к верховой езде, я всё же далеко не был уверен, что не ударю лицом в грязь, следя на коне в свите такого выдающегося кавалериста, каким был великий князь. Из этого затруднительного положения вывел меня командир эскадрона, дав мне такого старого и мудрого коня, который, по его словам, «из чувства собственного достоинства меня ни в коем случае не сконфузит».

Однако, как оказалось, условия ведения войны настолько изменились, что Штабу Верховного Главнокомандующего ни разу не пришлось садиться на коней; но всё же верховые прогулки являлись для многих офицеров Штаба единственным отдохновением от напряженной работы, и в этом отношении мой мудрый конь сослужил мне во время войны хорошую службу.

Этот незначительный сам по себе случай показывает, как в военных кругах перед 1-й мировой войной несовершенно было представление о ее ведении в современных условиях.

В течение нескольких дней, проведенных в Петербурге перед отъездом на фронт, я не мог не ощутить того глубоко сосредоточенного и озабоченного настроения, которое овладело всеми кругами столицы. На всех лицах выражалась скрытая тревога за будущее и смутно угадывались тяжелые предчувствия. Того радостного настроения, которое дает твердая уверенность в своих силах, не чувствовалось почти нигде. Все сознавали, что предстоит невероятно тяжелая борьба, и с болью в сердце провожали уходящих на войну.

Правда, в первые дни войны замечался известный патриотический подъем под лозунгом единения царя с народом, выразившийся в патриотических манифестациях, но уверенности в прочности этого единения, вследствие известных всей России признаков разложения, подтачивавших престол и правительственные круги, ни у кого не было.

Единственная надежда была на великого князя Николая Николаевича. Его имя было у всех на устах, ему приписывалась некая чудодейственная мощь, которая благополучно выведет Россию из предстоящего ей тяжелого испытания. И мы, будущие его сотрудники, вступая в состав его штаба с сознанием, что на его личности покоятся все упования России, были проникнуты благоговейным к нему уважением и были готовы употребить все свои силы, чтобы облегчить ему сверхчеловечески трудную его миссию.

* * *

30 июля я получил распоряжение явиться на Царскосельский вокзал для отправления в Ставку.

Время отправления поездов Штаба Верховного Главнокомандующего и место их назначения сохранялись в тайне, и на слабо освещенном перроне вокзала не было ни прощающих, ни публики.

О том, что местом расположения Ставки будут Барановичи, большинство чинов Штаба узнало лишь после того, как поезда отошли от Петербурга. Когда я приехал на вокзал, он был пуст и безмолвен. Отсутствие обычных на вокзale суеты и шума производило необычайное впечатление. У перрона стоял готовый к отходу так называемый второй поезд Штаба Верховного Главнокомандующего. У входа на этот перрон стоял комендант поезда, который направлял быстро входивших на перрон чинов штаба в отведенные им вагоны. Над всем царила какая-то торжественная строгость и сосредоточенность.

В полночь, без всяких сигналов и никем не провожаемый, поезд тихо отошел от пустого перрона и, ускоряя ход, двинулся в путь.

Так началась жизнь Ставки Верховного Главнокомандующего, которая до последнего дня пребывания на этом посту великого князя Николая Николаевича неизменно носила тот же характер молчаливо-строгой деловитости и проникновенной вдумчивости.

* * *

Штаб Верховного Главнокомандующего был размещен в нескольких поездах. В первом поезде находился великий князь Главнокомандующий, его брат великий князь Петр Николаевич, ближайшая их свита, – начальник штаба генерал Янушкевич, генерал-квартирмейстер генерал Ю. Н. Да нилов с офицерами оперативного отделения своего управления, протопресвитер военного духовенства о. Георгий Шавельский и представители союзных армий при Верховном Главнокомандующем генералы: маркиз де ла Гиш и сэр Хембери Вильясе.

Во втором поезде находилось управление дежурного генерала во главе с генералом П. К. Кондзеровским, управление военных сообщений во главе с генералом И. А. Ронжиным, военно-морское управление во главе с контр-адмиралом Д. В. Ненюковым, в составе которого был великий князь Кирилл Владимирович, дипломатическая канцелярия во главе с Н. А. Базили, временно замещавшим не успевшего прибыть князя Кудашева, гражданская канцелярия во главе с князем Оболенским и остальная часть управления генерал-квартирмейстера, не поместившаяся в первом поезде.

Эти два поезда, собственно, и составляли Штаб Верховного Главнокомандующего. В каждом из них был свой вагон-ресторан, и чинам штаба был обеспечен максимальный жизненный комфорт и удобства для работы, так как каждый помещался в своем отдельном купе.

В остальных поездах помещался служебный персонал Штаба и охрана места расположения Ставки.

В этих поездах штаб прожил почти целый год, в течение которого Ставка находилась в Барановичах.

* * *

В пути наш поезд обогнал поезд великого князя, который задержался для совещания с Главнокомандующим Северо-Западного фронта генералом Жилинским, и мы прибыли на станцию Барановичи раньше его.

Всем нам было предложено выйти из вагонов и построиться на платформе вокзала для встречи великого князя. Здесь же должно было состояться представление чинов штаба великому князю: мы сами, выйдя из вагонов, впервые познакомились со многими будущими сослуживцами, которых раньше не знали.

В ожидании великого князя образовались на платформе группы оживленно разговаривавших офицеров. Настроение было бодрое и приподнятое: 1-я армия только что с боем перешла немецкую границу и успешно продвигалась вперед, а начавшееся наступление в Галиции сулило нам победу. Обсуждался вопрос о продолжительности войны, и тех, кто осторожно определял ее в 6 месяцев, считали отъявленными пессимистами. Еще одно доказательство того, сколь ошибочно было, даже в руководящих военных кругах, представление о современных условиях войны.

Вскоре на станцию прибыл первый поезд и из него вышел на платформу великий князь. Строгим взглядом он окинул своих будущих сотрудников, быстрой походкой обошел их фронт, молча пожимая всем руки, и вернулся к себе в вагон. Немедленно затем его поезд отошел, направляясь в месторасположение Ставки. Вслед за ним двинулся туда же и наш поезд.

Так, в строгой и сосредоточенной атмосфере, без лишних слов началась повседневная работа Штаба.

Глава II Жизнь Ставки

Местонахождение Ставки находилось вблизи местечка Барановичи, в районе казарм железнодорожной бригады. Казармы эти, окруженные лесом, были пусты, так как занимавшая их бригада ушла на фронт.

К этим казармам было проведено от железнодорожной магистрали несколько путей, на которых и стали поезда штаба.

На пути, ведущем к отдельно расположенному дому начальника бригады, стал поезд Верховного Главнокомандующего. В этом доме поместились управление генерал-квартирмейстера, и к нему были проведены прямые провода связи с фронтом и Петербургом.

Ежедневно рано утром великий князь из своего вагона направлялся, в сопровождении начальника штаба, в управление, где, ознакомившись с донесениями, поступавшими за ночь с фронтов, принимал совместно с генерал-квартирмейстером оперативные решения. Все же донесения, поступающие в течение дня, докладывались великому князю в его вагоне, куда являлись к нему во всякое время для доклада начальники управлений Штаба.

Таким образом великий князь был осведомлен во всех подробностях о ходе военных действий, и фактически – а не номинально, ими руководил. Иногда великий князь со своим поездом покидал на короткий срок Ставку и отправлялся на совещания к Главнокомандующим фронтами, но за время своего пребывания на посту Верховного Главнокомандующего великий князь в Петербург или куда-либо в тыл не ездил.

Второй поезд стоял на другом пути в небольшом расстоянии от первого, и остальные управления штаба разместились в ближайших казарменных постройках бригады. Личное общение между управлениями штаба ограничивалось кратким изложением дела или полу-

чением справки. В управление же генерал-квартирмейстера чины штаба, не принимавшие непосредственного участия в оперативной работе, вообще не допускались.

Штаб Верховного Главнокомандующего при великом князе был весьма немногочисленный: в управлении генерал-квартирмейстера было около 8 офицеров Генерального штаба, а в каждом из остальных военных управлений, т. е. в управлениях дежурного генерала, военных сообщений и военно-морском было от 4 до 6 офицеров, так что в непосредственной работе по верховному управлению вооруженными силами России участвовало всего около 25 офицеров. Во всём же штабе, включая чинов дипломатической и гражданской канцелярии, офицеров для шифрования, адъютантов, офицеров на второстепенных или специальных должностях, было всего человек около 60, не считая офицеров частей, несших охрану Ставки и ее обслуживающих.

В этом отношении Штаб при великом князе был полной противоположностью Штабу, который при Государе разросся до нескольких сот человек.

Охранные части оцепили Ставку кольцом своих постов и в район ее расположения никого не пропускали, а окружающая нас лесная местность, скрывая Ставку от посторонних взоров, еще больше отчуждала нас от внешнего мира и способствовала строгому образу жизни, заведенному в ней с самого первого дня, чем была создана спокойная обстановка для сосредоточенной работы и было обеспечено сохранение тайны.

* * *

Работа в Штабе продолжалась с раннего утра до позднего вечера, а зачастую и ночью – с небольшими перерывами для завтрака и обеда.

Во время завтрака и обеда, когда в вагон-ресторан нашего поезда сходились офицеры Штаба, не допускались служебные разговоры и беседа велась на отвлеченные темы, не касающиеся ведения войны. Еда была простая, и к столу подавалось только легкое белое или красное вино.

Каждый день известное число чинов Штаба из нашего поезда приглашалось к столу великого князя в первый поезд. Вагон-ресторан этого поезда, как и все вагоны-рестораны, был разделен переборкой с дверью на два неравные отделения. В меньшем отделении за столиком в углу сидел великий князь с начальником штаба и протоиереем о. Шавельским; за столиком рядом с ними занимали место представители союзных армий, а за остальными двумя столиками сидели генерал-квартирмейстер и приглашенные гости. В большом отделении сидели остальные чины первого поезда.

Великий князь входил в вагон-ресторан в точно назначенный час, пожимал руки сначала всем гостям, а затем переходил во второе отделение, чтобы поздороваться с теми чинами первого поезда, которых он в этот день еще не видел. Ввиду его высокого роста на верхней перекладине дверной рамы в переборке был прикреплен лист белой бумаги, чтобы обратить его внимание на необходимость наклонить голову.

Завтрак продолжался очень недолго, – каких-нибудь полчаса с небольшим. Беседа за столом обычно носила не натянутый, но сдержаный характер. Когда дела на фронте шли благоприятно, великий князь принимал в ней живое участие и остроумно шутил, но когда положение на фронте оставляло желать лучшего, великий князь хмурился и завтрак быстро проходил в молчании.

В тяжелые же периоды Самсоновской катастрофы и отступления из Галиции приглашения к столу великого князя прекратились.

* * *

Короткими перерывами работы после завтрака и обеда мы пользовались для прогулок пешком и верхом по живописным окрестностям Ставки. Эти прогулки были единственным нашим развлечением.

Во время этих перерывов генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов обычно гулял по дорожке сада вдоль домика, где было его управление, и, покуривая сигару, обдумывал ведение операций. Великий князь, когда не гулял вместе с ним, – строго наблюдал за тем, чтобы никто не нарушал размышлений Ю. Н. Данилова во время этих прогулок.

Изредка мы, более молодые офицеры Штаба, выезжали целым эскадроном верхом на прогулку под командой общего любимца Ставки весельчака и балагура – бывшего лихого кавалериста полковника Генерального штаба Муханова, который заставлял нас проделывать разные эволюции. Во время этих эволюций больше всего доставалось, конечно, нам, морякам, а особенно мне, ибо мой «rossinант», не желая терять «собственного достоинства», решительно никогда не торопился. Однако, к нашему удовольствию, доставалось от Муханова и его собратьям по оружию, особенно медлительному и мягкому полковнику Стаховичу. Прогулки эти своим весельем очень способствовали поддержанию хорошего настроения в Ставке.

Хотя великий князь весьма отрицательно смотрел на посещение родными и женами членов Штаба, всё же изредка жены некоторых из нас приезжали на краткие свидания со своими мужьями и, тщательно скрываясь, жили в плохонькой гостинице местечка Барановичи.

Однажды мы с женой на прогулке верхом в дальнем и глухом лесу неожиданно встретились с великим князем, который в сопровождении начальника штаба ехал верхом недалеко от нас. Я обомлел. Однако великий князь отвернулся и, заговорив с начальником штаба, сделал вид, что нас не заметил.

На следующий день за завтраком великий князь посмотрел на меня иронически – тем дело и ограничилось.

Этот случай привожу лишь в опровержение распространявшихся некоторыми злонамеренными лицами слухов о якобы бессердечности и даже бесчувственности великого князя.

* * *

Иногда в Ставку приезжал Государь со своей свитой и некоторыми министрами.

Эти приезды всегда вносили тревожное настроение в жизнь Ставки, ибо они в большинстве случаев были вызваны решением каких-либо исключительно важных для ведения войны вопросов.

Зная умонастроение Государя и некоторых его министров, мы всегда беспокоились за исход этих совещаний, опасаясь последствий столкновения взглядов между великим князем и окружением Государя.

С тревогой смотрели мы на медленно проходивший в Ставку мимо нас царский поезд, за которым как бы тянулась струя гнетущей атмосферы, окружавшей престол и известные столичные круги, и облегченно вздыхали, когда царский поезд покидал Ставку.

Во всё остальное время Ставка жила своей обособленной, строгой жизнью, работая в атмосфере возвышенных чувств.

Вся Россия знала, что там, в этой Ставке, пользовавшейся в то время громадным авторитетом и уважением, живет и творит свое великое дело благородный вождь, на которого она возлагала все свои надежды.

Глава III

Великий князь Николай Николаевич

По своим личным качествам великий князь Николай Николаевич был выдающимся человеком, а среди членов императорской фамилии представлял собою отрадное исключение.

По природе своей честный, прямой и благородный, он соединял в себе все свойства волевой личности, т. е. решительность, требовательность и настойчивость. Причем эти свойства проявлялись в нем иногда в чрезмерной форме, создававшей ему репутацию подчас суворой строгости.

Все не исключая министров и высших чинов государства, его побаивались, а нерадивые и неспособные люди его панически боялись.

В этом отношении великий князь точно походил на адмирала Рожественского, благодаря личной железной воле которого, как ныне окончательно установлено историей, был осуществлен во время Русско-японской войны нигде и никогда не бывалый подвиг – поход на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры.

При господствовавшем в царствование императора Николая II во всём государственном аппарате безволии и непотизме, наличие на посту Верховного Главнокомандующего такой волевой личности, как великий князь Николай Николаевич, было одним из главных залогов благополучного исхода войны, и потому-то вся Россия встретила с таким единодушным восторгом назначение его на этот пост.

Помимо этого, великий князь, пройдя все ступени военной иерархии был истинным знатоком военного дела, которое он искренно любил и которому посвятил всю свою жизнь.

Имея высшее военное образование, он отдавал себе ясный отчет в задачах высшего командования и руководства военными операциями, чему способствовало продолжительное пребывание его в должности командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, а незадолго до войны и на должности председателя Совета Государственной Обороны.

Давно уже в России не было личности, в такой мере отвечающей по своим качествам должности Верховного Главнокомандующего, как великий князь Николай Николаевич.

Но, стоя во главе вооруженных сил России, он, к сожалению, не был – как уже в предисловии сказано – свободен в своих решениях. Он должен был считаться с Государем, который со своим правительством распоряжался судьбами государства.

Хотя великий князь и считал, что многие действия правительства могут иметь отрицательное влияние на ход войны, хотя он и отдавал себе ясный отчет в пагубном влиянии на Государя его супруги и распутинской камарильи, однако из-за верноподданнических чувств не считал себя вправе вмешиваться в категорической форме в верховное управление страной и в семейную жизнь Государя.

Несомненно, при приездах Государя в Ставку великий князь в своих разговорах с ним с глазу на глаз предостерегал его об этом. Но, зная чувства и идеологию великого князя, можно с уверенностью сказать, что если он и излагал свои мнения в свойственном ему решительном тоне, то во всяком случае никогда не придавал им характера угрозы, которую ему приписывала народная молва, твердившая, что он требовал заточения Государыни в монастырь.

Однако предостережения великого князя не только не достигали цели, но имели в некотором отношении даже отрицательное действие.

Государь, конечно, ставил о них в известность свою супругу, под чьим безграничным влиянием он находился, и этим еще больше усугублялась ее ненависть к великому князю. Государыня издавна не любила великого князя потому, что видела в нем волевую личность и что до нее доходили слухи о его огромной популярности, которую она считала опасной для престола. Эту мысль она внушала Государю с самого начала войны, и разговоры великого князя с Государем заставляли ее еще более усилить свое воздействие на Государя, что в конце концов и привело к смене великого князя.

Презрение великого князя к Распутину было также известно Государыне. Его якобы ответ на попытку Распутина приехать в Ставку для благословения «войск»: «приезжай – повешу», был слишком распространен народной молвой и был встречен таким всеобщим энтузиазмом, что не мог, конечно, не дойти до Государыни. Однако вряд ли великий князь мог привести такую угрозу в исполнение, ибо никогда не решился бы нанести такой явный удар престижу царской семьи, и так уже поколебленному Распутиным.

Но энтузиазм, с которым по всей России была встречена эта легенда, как нельзя более ярко выражает глубину той духовной трагедии, которую переживала страна, вступая в гигантскую борьбу, благоприятный исход которой мог быть достигнут лишь при условии единодушного устремления всех духовных сил народа исключительно на борьбу с грозным внешним врагом.

С неспособными же военачальниками великий князь действительно расправлялся решительно и круто, но, конечно, никогда не применял физического воздействия, как это ему приписывала народная молва. Как бы он ни был несдержан, это всё же слишком бы претило его благородной рыцарской натуре.

* * *

Нижеследующий случай покажет точку зрения великого князя в отношениях его к командному составу.

В начале зимы 1914 г. немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» начали сильно беспокоить своими внезапными бомбардировками части Кавказской армии, опиравшиеся на черноморское побережье.

Хотя деятельность Черноморского флота не отличалась особенной энергией, вызывая этим гнев и нарекания великого князя, однако за неимением в составе Черноморского флота достаточно быстроходных судов командующий флотом адмирал Эбергард не был в состоянии пресечь операции этих немецких крейсеров, о чем морское управление великому князю и докладывало.

Однажды после одной из таких операций ординарец великого князя принес нам поздно вечером в управление написанную лично великим князем телеграмму для отправления адмиралу Эбергарду.

В это время в управлении со мной был мой товарищ и друг В. Яковлев, так как адмирал Ненюков уехал по делам в Петербург. Прочтя с ним эту телеграмму, мы пришли в ужас от резкости выражений, в которых она была составлена.

Во флоте мы искони привыкли к совсем иным формам отношений между начальствующими лицами и их подчиненными, особенно на высоких должностях, а зная чрезвычайно благородный, честный и самолюбивый характер адмирала Эбергарда, мы сильно опасались, как бы эта телеграмма не вызвала катастрофу.

Посоветовавшись с Яковлевым, я решил попытаться попросить через начальника штаба великого князя смягчить выражения телеграммы.

Когда я изложил генералу Янушкевичу свою просьбу, он гневно посмотрел на меня и с трепетом в голосе воскликнул: «Как вы осмеливаетесь вмешиваться в повеления великого

князя! Да знаете ли вы, чем это вам угрожает?!» На это я ему ответил, что, зная характер адмирала Эбергарда, я опасаюсь, что такая телеграмма может побудить его на самоубийство, и что поэтому я настаиваю на своей просьбе.

Тогда генерал Янушкевич взял из моих рук телеграмму, посмотрел на меня с печальным сожалением и сказал: «Хорошо, но помните, что за последствия я не ручаюсь», и прошел в вагон великого князя. Через несколько минут он вернулся и, передав мне слова великого князя «когда дело идет о пользе Родины и успехе военных действий, я не щажу отдельных личностей», – приказал отправить телеграмму без изменений.

К счастью, эта телеграмма не возымела того действия, которого мы опасались; адмирал Эбергард нашел в себе мужество перенести обиду во имя своего долга перед Родиной в войне.

Этот случай ясно показывает то возвышенное понимание великим князем своего долга, как Верховного Главнокомандующего, из коего вытекали его отношения к подчиненным без различия положения, которое они занимали. И показывает также высокое сознание своего военного долга со стороны некоторых благородных личностей подчиненного ему командного состава.

* * *

Но в вопросе смены высшего командного состава руки великого князя не были вполне свободны. Тут ему приходилось считаться с волей Государя. А так как симпатии Государя распространялись нередко на совершенно неспособных генералов, сумевших завоевать его симпатии угодничеством и интригами, то в вопросе устранения таких генералов великому князю подчас не легко было добиться своей цели.

Несмотря на то что, например, пользовавшийся расположением Государя генерал Ренненкампф доказал в Восточной Пруссии в начале войны свою несостоятельность, его удалось убрать лишь после того, как он, к всеобщему негодованию, скомпрометировал успех Лодзинской операции, где мы – не будь его – могли бы сторицей искупить катастрофу Самсоновской армии.

Не легко было также доказать Государю необходимость убрать Сухомлина, ответственного за недостаточное снабжение армии и обманувшего Государя своими ложными докладами.

И несмотря на то что после его смены ясно обнаружилась вся легкомысленная преступность его деятельности и весь причиненный им России вред, Государыня старалась своим влиянием на Государя смягчить ожидающую его заслуженную кару.

Еще более тяжелым было положение великого князя, когда ему приходилось, во имя успешного ведения войны, поднимать вопрос о смене неспособных членов правительства, что составляло прерогативу Государя.

Между тем трения, возникавшие между великим князем и Государем в вопросах смены высших чинов военного и особенно, гражданского управления, пользовавшихся расположением Государя и поддержкой «темных сил», оставляли в скрытой и ревнивой к своим прерогативам психологии Государя глубокий след и еще более отчуждали его от великого князя.

Так интригами, влиянием «темных сил» и работой разных лиц, снискавших себе недостойными путями расположение престола, создавались и углублялись трения между правлением страны и верховным командованием ее вооруженных сил.

А между тем в условиях современной войны «вооруженных народов», и особенно в тех условиях, в которых вела ее Россия, главным условием не только успеха в войне, но и спасения государства должно быть тесное единение этих двух органов верховной власти.

Глава IV

Личный состав Штаба Верховного Главнокомандующего

Ближайшими сотрудниками великого князя были: начальник штаба генерал Янушкевич и начальники отдельных управлений Штаба.

Генерал Янушкевич автоматически перешел, согласно «Положению о полевом управлении войск», на должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего с должности начальника главного управления Генерального штаба, которую он занимал передвойной и на которую был назначен Сухомлиновым, главным образом благодаря «покладистости» – если не сказать более – характера и отсутствию свободы мысли.

На должности начальника штаба Верховного Главнокомандующего он растерялся, но всё же имел гражданское мужество сознать свою неспособность играть какую-либо роль, стушевался и уступил руководящую роль в верховном командовании генерал-квартирмейстеру Ю. Н. Данилову.

Ю. Н. Данилов, прозванный «черный» за цвет своих волос, в отличие от другого «рыжего» генерала Данилова – начальника тыла, – был, несомненно, одним из самых образованных и знающих свое дело генералов русского Генерального штаба. Строгий, требовательный в службе, он был грозой для подчиненных, но за несколько искусственно созданной им себе мрачной и недоступной наружностью скрывался блестящий – правда, едкий, – но всегда любезный собеседник.

Обладая твердостью характера, граничащую с упрямством, он, однако, не отличался особенной широтой взглядов. Во всяком случае, он был во всех отношениях отличным ближайшим сотрудником такого решительного вождя, как великий князь Николай Николаевич, который его ценил и уважал.

* * *

Остальные ближайшие сотрудники великого князя были все на должной высоте.

Дежурный генерал П. К. Кондзеровский был в высшей степени симпатичный, вдумчивый человек, пользовавшийся всеобщей любовью в армии, и на своей должности распорядителя личного состава был безусловно незаменим.

Начальник управления военных сообщений генерал И. А. Ронгин, человек широких взглядов и блестящих способностей, был большим знатоком своего дела и опытной рукойправлял военными сообщениями.

Начальник военно-морского управления адмирал Д. В. Ненюков соединял в себе свойства большого сибарида с ясностью ума и высокой духовной культурой.

Управляющий дипломатической канцелярией Н. А. Базили был человеком исключительно выдающихся способностей и считался с полным правом одним из лучших русских молодых дипломатов.

Начальники отдельных управлений Штаба поддерживали между собой самые тесные отношения и были безгранично преданы великому князю, вследствие чего Штаб представлял собой единое тело, одушевленное единством взглядов, и был отличным органом для проведения в жизнь воли Верховного Главнокомандующего.

* * *

Особняком стоял по своему положению протопресвитер военного духовенства о. Георгий Шавельский. Редко когда можно было встретить среди иерархов церкви столь проницательного, мудрого и обаятельного по своим высоким качествам человека.

Прекрасно осведомленный о состоянии чувств и настроений народа благодаря обширной сети священников армии, куда вливались люди всех классов общества, он внимательно следил за развитием общественных настроений, отдавал себе ясный отчет в крупных недостатках верховного управления государством, глубоко скорбел об этом душой и с тревогой взирал на будущее. Решительный противник Распутина и его приспешников, он мужественно предупреждал Государя об опасностях, грозивших России в связи с разлагающим влиянием на правительство «темных сил».

Как вследствие своих высоких умственных и душевных качеств, так и вследствие возвышенного патриотизма о. Георгий имел большое влияние на великого князя, которому он был чрезвычайно предан, видя в нем спасителя России. Влияние это усугублялось тем, что великий князь был глубоко верующим и видел во. Георгии выдающегося духовного пастыря.

Таким образом, в деятельности великого князя по ведению войны и в его заботах о благе России два лица занимали место в непосредственной его близости и могли иметь на него влияние; эти лица были: генерал Ю. Н. Данилов и о. Георгий.

* * *

Все офицеры управлений Штаба в полной мере отвечали своим назначениям.

Среди офицеров управления генерал-квартирмейстера особенно выделялись своими способностями полковники: Щелоков, Скалой, Самойлов и капитан Андерс.

Щелоков, вследствие весьма неприятных личных свойств, был очень непривлекателен; во время Гражданской войны он был у большевиков начальником штаба Буденного и много содействовал успехам его конницы.

Полной ему противоположностью был необыкновенно благородный, честный и привлекательный Скалой; командированный от Штаба Верховного Главнокомандующего в состав делегации для ведения мирных переговоров в Брест-Литовск, он не вынес позора Брест-Литовского мира и застрелился. Самойлов отличился во главе своего полка. Андерс во время 2-й мировой войны командовал польским добровольческим корпусом в составе союзных войск на итальянском фронте.

В состав военно-морского управления входили: великий князь Кирилл Владимирович, назначенный впоследствии начальником морских батальонов на фронте; капитан 2-го ранга Немитц, назначенный впоследствии командиром эскадренного миноносца в Черном море; автор настоящих воспоминаний, пробывший в Ставке до ее занятия большевиками; и его близкий друг старший лейтенант В. В. Яковлев, назначенный впоследствии морским агентом в Румынию, на каковом посту он своими разведывательными сведениями о Турции и Болгарии весьма содействовал операциям Черноморского флота.

Мы трое раньше служили в Морском Генеральном штабе, а Немитц и автор настоящих воспоминаний были профессорами Николаевской Морской Академии. Краткое время был в нашем управлении и лейтенант Апрелев.

Всеобщей симпатией пользовались в Ставке доктор Козловский и начальник нашего автомобильного парка капитан В. Р. Вреден. А. А. Козловский усердно и внимательно заботился о нашем здоровье, а гостеприимный, всегда благорасположенный В. Р. Вреден, с кото-

рым все мы были в приятельских отношениях, доставлял многим из нас при общении с ним приятные минуты душевного отдохновения от напряженной нашей работы.

Глава V

Высший командный состав

Личный состав, который при вступлении своем в должность Верховного Главнокомандующего великий князь застал на высших командных постах армии, к сожалению, во многих случаях далеко не отвечал своему назначению.

Особенно неудовлетворительным был высший командный состав Северо-Западного фронта в лице его Главнокомандующего генерала Жилинского и командующих армиями этого фронта: 1-й генерала Ренненкампфа и 2-й генерала Самсонова, что и было одной из главных причин произошедших в начале войны на этом фронте катастрофы армии генерала Самсонова и разгрома армии генерала Ренненкампфа.

Все три эти генерала представляют собой типичные примеры выдвижения в эпоху министра Сухомлинова на командные посты не соответственных своему назначению начальников.

Генерал Жилинский, бывший некоторое время начальником Главного управления Генерального штаба, был выдвинут на высшие командные посты благодаря отсутствию у него широкой идейной инициативы и твердости характера, что делало его безопасным для Сухомлинова.

Карьере генералов Самсонова и Ренненкампфа положили начало «лихие» их действия во главе конных отрядов во время «боксерского» восстания 1901 г. и во время Японской войны.

Но командные их способности не шли далее начальника кавалерийской дивизии, что ясно обнаружилось в самом начале войны и имело решительное влияние на ход наших операций в Восточной Пруссии.

Оба они не имели представления о руководстве крупными армейскими соединениями в условиях современной войны и применяли к этому руководству методы управления небольшим конным отрядом. В критические минуты операций они отрывались от своих штабов и совершенно выпускали из своих рук оперативное руководство; при этом не умели поддерживать связь по фронту и организовать разведку, действовали вслепую и неожиданно оказывались лицом к лицу с внезапно создавшейся катастрофической для них обстановкой.

На Юго-Западном фронте положение в отношении командного состава было значительно лучше: благодаря присутствию там на постах командующих армиями и командиров корпусов таких выдающихся генералов, как Щербачев, Брусилов, Плеве и Горбатовский, а главным образом благодаря тому, что фактическое руководство операциями этого фронта находилось в руках самого выдающегося представителя нашего Генерального штаба генерала М. В. Алексеева.

Началу карьеры главнокомандующего этим фронтом генерала Н. Иванова положило усмирение им солдатских беспорядков при возвращении войск после Русско-японской войны; никакими стратегическими способностями он не отличался и образования Генерального штаба не имел; всё же он был достаточно умен, чтобы всецело предоставить оперативное руководство Юго-Западного фронта своему начальнику штаба генералу Алексееву.

Вообще говоря, Н. И. Иванов представлял собой типичный пример, нередкий в то время, «дутых знаменитостей».

Причинами несоответствия своему назначению части высшего командного состава было, с одной стороны, система выдвижения на командные должности, при коей решающую роль нередко играли не стратегические способности, а «лихость», «беззаботная предан-

ность» и ханжество; с другой же стороны, неудовлетворительно поставленная перед войной теоретическая и практическая подготовка командного состава к занятию высших командных должностей, на что столь ясно указывал в своих трудах после войны талантливый профессор генерал Н. Н. Головин.

Не менее важной причиной этого было также стремление военного министра генерала Сухомлинова выдвигать на высшие командные посты генералов «лихих» и «беззаветно преданных», ибо таковые пользовались большим расположением престола.

Только этим и можно объяснить нахождение на посту командира 1-го корпуса генерала Артамонова, сыгравшего такую печальную роль в катастрофе Самсоновской армии, карьера которого была основана на рассказах о том, как он «переплывал» при экспедиции в Абиссинию «Нил на крокодиле», а упрочилась перед войной ханжеством и строгим требованием, чтобы во всех помещениях подчиненных ему войсковых частей были иконы и лампады.

* * *

К каким последствиям привела такая система выбора начальников, автор настоящих воспоминаний мог лично убедиться при командировке из Ставки в Восточную Пруссию в начале войны.

Вскоре после начала наступления Самсоновской армии и накануне ее катастрофы я был срочно командирован Верховным Главнокомандующим к генералу Ренненкампфу с приказанием обратить его внимание на правый фланг вверенной ему 1-й армии, и лично убедиться в надежности мер, принятых для его обеспечения.

Дело заключалось в том, что верховное командование справедливо опасалось, как бы немцы, пользуясь своим господством на Балтийском море, на побережье коего правый фланг 1-й армии опирался, не сделали попытку нападения на этот фланг со стороны моря и этим бы лишили армию свободы маневрирования, когда эта свобода, после начала наступления Самсоновской армии, была генералу Ренненкампфу особенно нужна для согласования с ней своих действий.

Эти опасения были тем более обоснованы, что, согласно поступившим в Ставку агентурным сведениям, немцы спешно сосредоточивали в Куриш-Гафе мелко сидящие суда, при помощи которых они и могли предпринять десантную операцию не только против правого фланга 1-й армии, но даже в ближайший ее тыл.

Между тем сведения, поступавшие о положении дел на правом фланге 1-й армии из штаба Северо-Западного фронта или, вернее говоря, отсутствие этих сведений, заставляло предполагать, что ни главнокомандующий фронтом, ни командующий 1-й армией не отдают себе ясного отчета об опасности этого положения.

Выехав из Ставки на автомобиле прямо в Восточную Пруссию, я принужден был остановить его в Ковно, так как загромождение шоссейных дорог не позволяло быстрой езды, и отправился далее с этапным поездом в Инстербург, где находился генерал Ренненкампф. Приехав туда, я отправился с вокзала в гостиницу, где расположился генерал Ренненкампф со своей свитой.

Там я застал такую картину: на застекленной веранде, сообщающейся широкими дверями с ресторанным залом, сидело за длинным обеденным столом человек 20 офицеров, а во главе стола сидел у самых дверей, ведущих в ресторанный зал, сам генерал Ренненкампф.

Посадив меня рядом с собой и поверхностно расспросив о цели моего приезда, генерал Ренненкампф громогласно продолжал с сидевшими за столом разговоры на разные оперативные темы.

Осмотревшись, я был прежде всего удивлен тем, что почти все, сидевшие за столом, были совсем молодые офицеры, по-видимому, адъютанты и ординарцы командующего армией; штаб-офицеров Генерального штаба было среди них всего два.

К столу во время обеда часто подходил хохлячавший у стойки ресторана буфетчик, с которым сидевшие за столом говорили по-немецки, заказывая ему кушанья и пиво.

Этот буфетчик был немец, едва ли, судя по его интеллигентному лицу и выпивке, не переодетый немецкий офицер. Его по непростительному недомыслию оставили на своей должности квартирьеши штаба при отводе гостиницы под помещение для командующего армией.

Стоя за своей стойкой в ресторанном зале, он, конечно, хорошо слышал легкомысленно ведшиеся за столом командующего армией разговоры на оперативные темы и, как впоследствии обнаружилось, сообщал ночью их содержание в Кенигсберг по телефону, спрятанному под стойкой буфета.

По окончании обеда командующий армией направил меня в оперативное отделение своего штаба, тут же в гостинице. Там я застал двух офицеров Генерального штаба и из разговора с ними уяснил себе причину удививших меня ненормальных явлений в жизни штаба.

Оказалось, что начальник штаба «рассорился» с командующим армией и остался в Стадтлупёнене вместе с некоторыми старшими чинами штаба, а в Инстербурге при генерале Ренненкампфе остались два, пользуясь его особенностями симпатиями офицера Генерального штаба и целый полк «примазавшихся» к нему адъютантов, ординарцев и «маменькиных сыночков» из влиятельных придворных кругов, которые и делали ему в этих кругах карьеру; этим отчасти объясняется то, что Ренненкампф не был немедленно сменен после разгрома его армии, в чем его вина была несомненна.

Полученные мною в оперативном отделении неопределенные сведения о положении на правом фланге армии меня не удовлетворили, и я решил на другой день утром вновь доложить об этом генералу Ренненкампфу, а затем выехать к правому флангу на берег Кудиш-Гафе, чтобы лично убедиться в том, приняты ли для его обеспечения меры.

Так как уже наступил вечер, я отправился в отведенную мне в верхнем этаже гостиницы комнату и, уставши с дороги, проспал в ней до позднего утра. Когда я проснулся, меня прежде всего поразила полнейшая тишина в гостинице. Быстро одевшись, я спустился вниз и, проходя по коридорам, заметил группы немцев, служащих гостиницы, провожавших меня злобными, дерзкими взглядами; но никого из чинов штаба я не видел.

Придя на террасу, где мы накануне обедали, я застал там растерянного адъютанта командующего армией, который что-то искал. От него я узнал, что ночью были неожиданно получены сведения о разгроме армии генерала Самсонова и одновременно с этим донесение об обходе немцами левого фланга 1-й армии, вследствие чего генерал Ренненкампф на рассвете выехал со своей «свитой» из Инстербурга назад в Верхболово. Адъютант же этот остался для ликвидации каких-то дел, и он-то обнаружил тайную телефонную связь гостиницы с Кенигсбергом; но было уже поздно — буфетчик сбежал.

Не теряя времени, мы с этим адъютантом побежали на вокзал, где успели захватить последний этапный поезд, за которым уже было приказано взрывать станционные строения и мосты.

Приехав вечером в Верхболово, я застал там невообразимый хаос: вокзал был полон раненых из насспех эвакуируемых полевых госпиталей; все вокзальные пути были забиты поездными составами; кругом вокзала царил невероятный беспорядок среди скопившихся здесь отступающих тыловых частей.

По платформе взволнованно ходил взад и вперед генерал Ренненкампф с ближайшими своими сотрудниками. Увидев меня, он начал мне объяснять, показывая какие-то телес-

грамммы, что во всём виноват штаб фронта, не дававший ему никаких указаний о положении на фронте и просил меня доложить об этом великому князю.

Вина Главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Жилинского в разгроме армии Ренненкампфа была, конечно, не малая, и он за это был сменен. Но это нисколько не умаляло вины и самого генерала Ренненкампфа, который своим легкомысленным отношением к командованию армией, неумением поддерживать связь со своим соседом генералом Самсоновым и неумением организовать должную разведку поставил свою армию в критическое положение.

* * *

Совсем иначе стоял вопрос высшего командного состава флота.

В течение ряда лет до войны во главе морского ведомства стоял безусловно самый выдающийся морской министр, какого Россия когда-либо имела со времени Петра Великого – незабвенный адмирал Григорович.

Необыкновенно умный, прекрасно знающий свое дело, рыцарски благородный и честный человек, адмирал И. К. Григорович был замечательным знатоком людей и не боялся выдвигать на командные посты талантливых и заслуживающих того офицеров.

Окружив себя такими выдающимися сотрудниками, какими были начальник Морского Генерального штаба адмирал А. И. Русин, помощник министра адмирал М. В. Бубнов и командующий Балтийским флотом адмирал Н. О. Эссен, он неутомимо работал над воссозданием после войны с Японией русской морской силы и в короткий срок до 1-й мировой войны достиг таких результатов, которые история справедливо назвала чудодейственными.

Значительную долю в этих чудодейственных результатах история также справедливо приписывает командующему Балтийским флотом адмиралу Н. О. Эссену, герою Русско-японской войны, энергичному и умному начальнику, посвятившему всего себя подготовке вверенного ему Балтийского флота к войне, в чем адмирал И. К. Григорович и его помощники оказывали ему всестороннюю поддержку.

Идя по стопам знаменитых русских адмиралов Ушакова, Сенявина и Макарова, он создал в Балтийском море свою «Эссенскую» школу, из которой вышли такие выдающиеся начальники, какими были адмиралы: Колчак – впоследствии назначенный командующим Черноморским флотом; Непенин, бывший последним командующим Балтийским флотом и погибший на этом посту от руки наемного убийцы в начале революции; а также Трухачев, Кедров, Развозов и многие другие.

Сплоченные единством мысли и проникнутые возвышенным пониманием своего долга, эти выдающиеся люди, чуждые всякого карьеризма и прислуживания, согласной работой довели подготовку морской силы до такого совершенства, что она не только безукоризненно исполнила все задачи, поставленные ей планом войны, но послужила в области артиллерии и минного дела примером даже для английского флота.

Глава VI

План войны и наши союзные обязательства

Свобода действий верховного руководства военными операциями, особенно в начале войны, неминуемо бывает ограничена рядом факторов, называемых французской военной наукой «servitudes» и вытекающих из: замысла плана войны, различных союзных и дипломатических обязательств, особенностей подготовки вооруженной силы к войне и внутренне-политической обстановки.

На трудном деле верховного руководства военными действиями наших вооруженных сил тяжелым бременем лежали и ограничивали его свободу: 1) несоответствие своему назначению части командного состава; 2) недоверие к великому князю со стороны престола и некоторых правительственные кругов; 3) обещание, данное нами Франции, предпринять возможно скорее энергичное наступление против Германии; и 4) обнаружившийся с самого начала войны недостаток снабжения армии боевыми припасами.

Несмотря на чинимые ему препятствия, великому князю всё же удалось за время своего пребывания на посту Верховного Главнокомандующего сменить не отвечающих своему назначению военных начальников и назначить на их места выказавших свои способности в начале войны генералов, так что в момент ухода великого князя со своего поста высшее командование армии значительно больше отвечало своему назначению, чем то, которое великий князь застал во главе армии, принимая свой пост.

Но изменить к себе отношение престола и известных правящих кругов великому князю, несмотря на все предпринятые им с этой целью меры – о чем подробно было уже сказано выше, – не удалось, и в конце концов эти всё ухудшившиеся, не по его вине, отношения привели к его смене.

Не мог, конечно, великий князь освободиться и от данного Россией обещания своей союзнице Франции; так же бессилен был он изменить критическое положение снабжения боевыми припасами, ибо таковое явилось следствием преступной непредусмотрительности правительства, и в частности военного министра генерала Сухомлинова, в деле подготовки армии к войне.

Так как вопросу снабжения боевыми припасами будет посвящена отдельная глава, мы здесь займемся лишь вопросом обязательств, взятых на себя Россией по отношению к своей союзнице.

* * *

Как известно в результате переговоров русского и французского Генеральных штабов, имевших место после заключения Франко-русского союза, Россией было взято на себя обязательство выделить с самого начала войны значительные силы для энергичных действий против Германии, в целях облегчения положения на французском фронте.

Это обязательство шло, конечно, в ущерб выполнению первоначальной главной задачи русской стратегии, состоявшей в уничтожении австрийских армий, сосредоточившихся в Галиции с целью вторжения в Россию.

Обязательство это, разбрасывая наши силы по двум расходящимся операционным направлениям, противоречило, конечно, основным требованиям стратегии о сосредоточенности максимума сил на главном операционном направлении и выделении лишь минимума сил на другие операционные направления.

Это обязательство послужило предметом жесткой критики нашего Генерального штаба, давшего на него свое согласие, не только со стороны талантливого военного писателя генерала Головина, но даже со стороны и некоторых авторитетных французских военных писателей.

При этом генерал Головин стоит на точке зрения, что сосредоточением максимальных сил против Австрии и выделением лишь незначительного заслона против Германии был бы быстро достигнут полный разгром австрийской армии, и этим был бы облегчен французский фронт, ибо Германия должна была бы подать помощь гибнущему своему союзнику и срочно снять известное число сил с французского фронта для переброски их на восток.

В действительности же, выделив значительные силы против Германии и предприняв наступление по двум операционным направлениям, мы хотя и решительно облегчили, ценой

гибели Самсоновской армии, французскую армию, но сами лишились возможности нанести решительное поражение Австрии, вследствие чего война затянулась и привела Россию к гибели.

Эти рассуждения нельзя не признать с точки зрения «отвлеченной стратегии» правильными.

Однако в этом трудном вопросе может быть и иной ход мыслей, а именно: рассуждения генерала Головина могли бы привести к желанной цели, т. е. к победе коалиции Антанты над Тройственным союзом, лишь в том случае, если бы немцы, не добившись еще решения на французском фронте, перебросили с него значительные силы на восток, для оказания помощи своей союзнице Австрии в критический для нее момент.

Но полной уверенности в этом у Генеральных штабов Антанты быть не могло, ибо весьма возможно было предположить, что, несмотря на критическое положение своей союзницы, немцы не перебросят на восток сколько-нибудь значительных сил, до тех пор пока не разгромят Францию и не принудят ее к капитуляции.

В этом случае Россия, ослабленная большими потерями в борьбе с Австрией, оказалась бы после разгрома Франции один на один с Германией, понесшей, правда, тоже потери в борьбе с Францией, но относительно менее для нее чувствительные, нежели для России ее собственные потери, по причине значительно лучшего снабжения германской армии боевыми припасами и значительно более быстрой и полной мобилизации всех ее сил.

С другой стороны, как сие показал опыт всех минувших войн, Германия при выдержке характера могла бы добиться капитуляции Франции в значительно более короткий срок, чем этого могла бы добиться Россия по отношению к Австрии, ибо на пути русской армии к жизненным центрам Австрии лежали труднопроходимые Карпаты, которые эти центры прикрывали, тогда как на пути германской армии к жизненным центрам Франции, после разгрома ее армии на фронте, препятствий не было никаких.

Сколь же на самом деле оказались для нас труднопроходимыми Карпаты и сколь громадны были наши потери в Галиции, особенно принимая во внимание острый недостаток боевых припасов, ясно показал опыт войны.

Поэтому риск остаться даже после поражения нами австрийской армии один на один с германской армией был бы для нас слишком велик и был бы чреват катастрофой.

Значит, не только в интересах Франции, но и в наших собственных интересах было не допустить разгрома ее Германией.

Для этого необходимо было бы оказать Франции возможно более энергичную поддержку, которая могла бы достигнута в значительно большей мере непосредственным давлением на Германию, нежели разгромом австрийской армии, которым Германия при выдержке характера могла бы пренебречь.

Опыт войны и показал, что именно непосредственное давление наше на Германию в Восточной Пруссии спасло Францию от разгрома.

Насколько же велика была вероятность, что Германия могла бы пренебречь, во имя разгрома Франции, критическим положением Австрии, ясно видно из того, что после войны все военные авторитеты, даже в самой Германии, поставили в большую вину германскому верховному командованию отсутствие выдержки характера при нашем вторжении в Восточную Пруссию, выразившуюся в переброске двух корпусов на наш фронт, чем Франция и была спасена.

Если сами немцы считают, что было возможно пожертвовать, во имя разгрома Франции Восточной Пруссией – этим центром германского милитаризма и политico-экономической ее мощи – то что же говорить о возможном влиянии на германскую стратегию потери Австрией Галиции или угрозы вторжения наших войск в Венгрию через Карпаты?

Не подлежит сомнению, что такая постановка вопроса служила предметом обсуждения нашего и французского Генеральных штабов перед войной и отразилась на составлении нашего плана войны.

При этом Франция несомненно настаивала на возможно более энергичном давлении с нашей стороны на Германию, зная по собственному горькому опыту войны 1870 г. выдержку характера немецкого командования и не зная, конечно, что у фактического верховного руководителя всеми будущими операциями Германии Мольтке-младшего окажется в предстоящей войне неизмеримо меньше твердости характера, чем у его знаменитого дяди в 1870 г.

К тому же было еще одно обстоятельство, которое указывало на необходимость усиления давления на Германию и заставляло нас еще более ее опасаться: незадолго до войны было обнаружено, что мощь германской армии значительно больше, чем это предполагалось. Из одного немецкого документа, добытого агентурным путем, вытекало, что военный состав германской армии, после полной мобилизации будет почти на 30 % больше, чем наш и французский Генеральные штабы предполагали.

Данные этого документа показались в первый момент столь невероятными, что Главное управление Генерального штаба усомнилось в его подлинности, тем более что в нем было предусмотрено применение воздушных кораблей типа «Цеппелин» для военных целей; а сие показалось уже фантастическим, ибо никто не мог поверить, что германская техника шагнула столь далеко вперед.

Так как в этом документе были приведены также данные, касающиеся боевого развертывания германского флота, Главное управление Генерального штаба для проверки его подлинности запросило мнение Морского Генерального штаба об этих данных, каковые были найдены последним отвечающим действительности.

В конце концов после всестороннего рассмотрения этого документа пришлось прийти к заключению, что приведенные в нем данные о мощи германской армии могут быть правдоподобны.

Не подлежит, конечно, сомнению, что все вышеприведенные соображения о германской стратегии были подвергнуты всестороннему обсуждению на совещаниях Генеральных штабов, причем были учтены новые данные о вероятной мощи германской армии, что в конечном итоге и отразилось на последнем варианте нашего плана войны.

План этот был значительно более осторожный, чем план, выдвигаемый сторонниками так называемой миллютинской стратегии, во главе которой стоял генерал Головин, подвергший после войны наш осторожный план и особенно его составителя генерала Ю. Н. Данилова острой, но, по моему скромному мнению, – неосновательной критике.

Генерал Головин, придерживаясь идеи миллютинской стратегии конца прошлого столетия, считал, что мы должны были бы сосредоточить почти все свои силы для разгрома австрийской армии, выдвинув против Германии лишь за слон, и убедить при этом Францию, что разгромом австрийской армии достигается облегчение французского фронта столь же успешно, как сие было бы достигнуто непосредственным давлением с нашей стороны на Германию.

Что произошло бы, если бы германское верховное командование проявило «твёрдость характера» и после уничтожения Франции набросилось бы с значительно превосходящими силами на нашу армию, ослабленную большими потерями в боях с австрийцами и не вполне еще закончившую свою мобилизацию, – генерал Головин не учитывает.

Между тем наш «осторожный» план, учитывавший и эту возможность, на опыте доказал свое полное соответствие с обстановкой, ибо, не будь недостатка боевых припасов и революции, мы, действуя по этому плану, несомненно, вместе с нашими союзниками окончательно разгромили бы Германию и всех ее союзников.

* * *

Согласно замыслу нашего плана войны, разработанного после совещания с французским Генеральным штабом, давление на Германию должно было бы быть осуществлено: во-первых вторжением в Восточную Пруссию и занятием ее до нижнего течения Вислы, а затем наступлением в операционном направлении Познань – Берлин.

Для осуществления первой из этих задач предназначались 1-я и 2-я армии, которые должны были перейти в наступление тотчас же после начала войны, а для второй задачи – наступления на Берлин – предназначалась 9-я армия, сосредоточившаяся в районе Варшавы и долженствовавшая согласовать свои действия с результатами операций первых двух армий в Восточной Пруссии.

Нельзя, однако, не признать и не согласиться в этом с генералом Головиным, что последний из этих способов давления на Германию – то есть наступление на Берлин с теми силами, которыми мы могли бы для сего в начале войны располагать, – был весьма рискован и имел скорее в данной обстановке авантюристический, чем методический и стратегический характер.

Но именно этому операционному направлению французы придавали в вопросе о давлении на Германию наибольшее значение, считая его наиболее действенным, и с самого начала войны всеми путями воздействовали на Государя, на наше правительство и на великого князя в том смысле, чтобы мы развили, возможно скорей, наши операции в этом направлении; причем в дни кризиса на французском фронте эти воздействия приняли чрезвычайно нервный и настоятельный характер.

Вступая в должность Верховного Главнокомандующего, великий князь, конечно, во всех подробностях ознакомился с планом войны и точно знал о взятых нами на себя обязательствах по отношению к нашей союзнице – Франции.

О коренном изменении плана войны, из которого вытекает план перевозок для сосредоточения, не могло бы, конечно, быть и речи, но и помимо этого в рыцарски благородной душе великого князя не могла бы даже зародиться мысль о том, чтобы уклониться от взятых на себя Россией обязательств.

Великий князь не мог не знать о предназначении 9-й армии, сосредоточившейся в районе Варшавы, тем более что мы все, прикованные к оперативной работе в штабе, это знали.

Поэтому очень странным кажется нам утверждение генерала Головина в его труде: «Дни перелома Галицийской битвы» о том, будто бы великий князь этого не знал и будто бы Ставка «маскировала» (!) ему – по собственному выражению генерала Головина – это назначение, давая этой армии значение лишь стратегического резерва.

Если бы это было действительно так, надо было бы думать, что великий князь лишь名义上（номинально）исполнял свою высокую обязанность, и что Штаб, а в частности генерал Ю. Н. Данилов – «втират ему, грубо говоря, очки».

Мы, бывшие сотрудники великого князя, можем категорически утверждать, что это ни в коем случае не могло иметь места.

И не только потому, что великий князь непосредственно и фактически руководил военными действиями и лично входил во все подробности оперативной работы, – чему сам генерал Головин приводит в своем труде показательный пример и о чем будет сказано ниже, – но и потому, что, зная его характер, никто бы никогда не осмелился что-либо от него скрывать или что-либо ему «маскировать».

Но и помимо этого генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов столь глубоко почитал великого князя и между ними были столь доверчивые отношения, что благородному Ю. Н. Данилову никогда ничего подобного не могло бы даже прийти в голову.

Лишним доказательством того, что великий князь знал о назначении войск, сосредотачивавшихся в районе Варшавы, является приведенный самим же генералом Головиным факт повеления Государя великому князю ускорить начало наступления в операционном направлении на Берлин, каковое явилось следствием данного Государем французскому послу Палеологу обещания в ответ на настоятельные просьбы французского правительства оказать более энергичное давление на Германию.

Весьма вероятно, что великий князь отрицательно относился к возможности успешного развития наступательных действий в этом операционном направлении, но, не наступив критический момент на нашем Галицийском фронте, потребовавший его решительного вмешательства, – вряд ли бы он уклонился от более энергичного давления на Германию, в согласии с данным Россией и подтвержденным Государем обещанием.

* * *

По получении в Ставке известия о катастрофе армии генерала Самсонова, великий князь, сознавая опасность создавшегося положения, тем более что на правом фланге Галицийской битвы мы к тому времени не могли еще добиться решительного успеха, отдает приказ перебросить к этому фронту два корпуса из состава войск, группировавшихся в районе Варшавы.

Этим актом верховного командования, предпринятым великим князем по личному почину, невзирая на повеление Государя и давление на него представителей Франции, был в двухдневный срок достигнут решительный успех в ходе Галицийской битвы и миновала опасность, созданная поражением армии генерала Самсонова.

Это ясно показывает, как великий князь решительно руководил военными действиями, не поддаваясь ничьему влиянию и давлению и принимая в критические минуты по собственному почину меры, вызываемые требованиями обстановки и имеющие целью облегчить, невзирая ни на что, успех нашему оружию.

Впрочем, к этому моменту наступление наше на Восточную Пруссию и жертва армии Самсонова оказали уже желанное влияние на французский фронт, ибо Мольтке-младший, не выдержав характера и не добившись на этом фронте успеха, перебросил в Восточную Пруссию два корпуса, сняв их к тому же с самого опасного для французов своего правого, обходящего фланга.

Таким образом, отказ от развития наступательных действий в определенном направлении на Берлин, после переброски части войск из района Варшавы в Галицию, не мог иметь отрицательного влияния на обещание наше Франции оказать ей поддержку давлением на Германию, ибо это обещание было в достаточной мере выполнено нашим давлением на Восточную Пруссию, стоившим нам столь тяжелых жертв.

Глава VII

Катастрофа армии генерала Самсонова

Вскоре после первоначальных успехов армии генерала Ренненкампфа в Восточной Пруссии разразилась страшная катастрофа армии генерала Самсонова.

Эта катастрофа чрезвычайно тяжко отразилась на настроении великого князя и его Штаба, и никакие наши последующие успехи в Галиции не могли сгладить наложенный ею тяжелый отпечаток на ожидания и предположения верховного командования.

Дабы, елико возможно, ослабить губительное влияние этой катастрофы на дух армии и народа, Ставкой были приняты меры, чтобы скрыть ее размеры и условия, при которых она произошла.

Но само верховное командование ясно отдало себе отчет о тех тревожных выводах из этой катастрофы, как яркой молнией осветившей крупные недостатки в подготовке нашей армии к войне.

Изучение причин этой катастрофы привело Штаб Верховного Главнокомандующего к ряду печальных заключений.

Прежде всего выяснилась полная несостоятельность и неподготовленность большинства военных начальников к оперативному руководству крупных войсковых соединений.

Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Жилинский не отдавал себе ясного отчета в стратегической обстановке в Восточной Пруссии и не принял соответствующих мер для объединения действий армий генерала Самсонова и Ренненкампфа.

Этим, как уже было выше сказано, генерал Ренненкампф объяснял свое бездействие во время наступления армии генерала Самсонова, бездействие, которое общественное мнение называло преступным и усмотрело в нем даже признаки измены, ибо главным образом благодаря этому бездействию немцам удалось нанести столь тяжелое поражение армии Самсонова.

Известная доля вины в этом бездействии, падавшая на генерала Жилинского, не освобождала, однако, генерала Ренненкампфа от ответственности за непроявление инициативы, пассивность, неумение оценить обстановку и недостаточное стремление к установлению оперативной связи с армией генерала Самсонова, в результате чего Гинденбург, оставив перед целой его армией одну лишь кавалерийскую завесу, беспрепятственно сосредоточил все свои силы против армии генерала Самсонова.

Бездействию армии генерала Ренненкампфа много способствовала, конечно, невероятная его метода командования армией и хаос, царивший в его штабе.

Однако генерал Ренненкампф не был тогда же сменен, отчасти вследствие его настойчивых ссылок на вину генерала Жилинского, отчасти вследствие симпатий, которыми он пользовался в придворных кругах, и отчасти вследствие опасения, как бы его немедленная смена не послужила подтверждением слухов о его измене, тем более что он носил немецкую фамилию.

Дальнейшее изучение причин катастрофы самсоновской армии выяснило, что генерал Самсонов в самый критический момент совершенно выпустил из рук оперативное руководство армией.

Не имея почти никаких сведений о противнике, вследствие плохо организованной армейской разведки, и расходясь во мнениях о ведении операций не только с главнокомандующим фронта, но и с собственным своим начальником штаба, он, когда его присутствие в штабе армии было особенно необходимо, отправился на фронт, предоставив начальнику штаба оперативное руководство армией.

Вследствие этого начальник штаба, не пользовавшийся достаточным авторитетом у командиров корпусов, входивших в состав армии, лишился возможности прибегать для принятия быстрых оперативных решений к авторитету уехавшего на фронт командующего армией, сношения с коим часто прерывались по причине плохо налаженной связи и постоянных его перемещений с места на место.

Между тем в той обстановке, в которой происходило наступление армии генерала Самсонова, от быстроты оперативных решений командования армией зависел не только успех наступления, но и безопасность самой армии: корпуса армии, расходясь веером и постепенно ослабляя между собой оперативную связь, быстро подвигались вперед навстречу неизвестно где находящемуся и что-то предпринимающему противнику; в таких условиях

в любой момент могли внезапно создаться такие критические положения, из коих армия могла бы быть выведена без катастрофы лишь быстро действующим и твердым оперативным руководством.

Для этого, конечно, было прежде всего необходимо постоянное, ежеминутное присутствие командующего армией в своем штабе, чем достигалось бы быстрое принятие решений.

Оторвавшись же от своего штаба и переместившись на один из участков фронта, генерал Самсонов утратил возможность лично влиять на общий ход операций и оказался в конце концов в штабе одного из своих корпусов беспомощным зрителем разгрома вверенной ему армии, что и привело его к трагическому решению покончить с собой.

Между тем корпуса, полагаясь на оперативное руководство командования армией и на армейскую разведку, быстро двигались вперед, часто утрачивая связь со штабом армии и с соседями по причине некоторого недостатка средств связи, а главным образом вследствие неумения эту связь организовать. Не ведя впереди себя дальней разведки, они шли вслепую, как обреченные, прямо в пасть неприятелю.

Весь трагизм этой картины командования и оперативного руководства самсоновской армии усугублялся тем, что штабы некоторых войсковых частей, стремясь с помощью беспроволочного телеграфа восстановить утраченную связь, посыпали депеши с точным указанием своих мест и оперативных предположений открыто, без шифровки, а это, как ныне известно, в значительной мере содействовало окружению и разгрому немцами самсоновской армии.

С помощью беспроволочного телеграфа был обнаружен крупный недостаток в подготовке войск к использованию современных боевых средств и низкий интеллектуальный уровень тех, кто ими пользовался.

При выяснении причин разгрома самсоновской армии Ставкой было обращено особое внимание на действия командира 1-го армейского корпуса генерала Артамонова, того самого, карьера коего была основана на ханжестве, хвастовстве и низкопоклонстве.

Этот левофланговый корпус армии генерала Самсонова играл чрезвычайно важную роль в ее наступательной операции, так как, помимо защиты ее фланга, представлял точку опоры всего ее маневра.

Войдя в соприкосновение с противником, не превосходящим его в силах, генерал Артамонов совершенно растерялся в боевой обстановке и, несмотря на то, что эта обстановка была ему благоприятна, оттянул без всяких оснований весь свой корпус на целый переход назад, не предупредив свое временно об этом ни штаб армии, ни своего соседа.

Этим он внезапно обнажил фланг армии и дал немцам широкую возможность пройти в глубокий тыл ушедших далеко вперед ее главных сил.

После самсоновской катастрофы он был уволен со службы, хотя по справедливости его нужно было бы отдать под суд, как того хотел великий князь Николай Николаевич.

Помимо вышеприведенной безотрадной картины командования и оперативного руководства, выяснился также недостаток стойкости некоторых войсковых частей под огнем немецкой тяжелой артиллерии, чему, конечно, в значительной мере способствовало почти полное отсутствие у нас соответствующей артиллерии, могущей с этой немецкой артиллерией успешно бороться.

Единственным утешительным фактом, установленным при изучении катастрофы армии генерала Самсонова, было геройское самопожертвование и безукоризненное исполнение своего долга низшим офицерским составом во главе с командирами полков и батарей.

Таким образом, изучение причин катастрофы армии генерала Самсонова выяснило неспособность большинства высших военных начальников, недостаточное ведение разведки, неумение поддерживать связь и пользоваться для этого новейшими техническими

средствами, хаотические методы командования и неудовлетворительную организацию оперативного руководства войсками в штабах высших войсковых соединений.

По выяснении этого Штабом Верховного Главнокомандующего были изданы инструкции и приняты решительные меры к устранению обнаруженных крупных недостатков, и в дальнейшем ходе военных действий эти недостатки больше не повторялись.

Глава VIII

Верховное руководство военными действиями

Своим решением перебросить два корпуса из состава войск, сосредоточенных в районе Варшавы, на правый фланг Юго-Западного фронта великий князь обеспечил нам победу в Галицийской битве, следствием чего было поспешное отступление австрийской армии из Галиции за Карпаты.

Во время этого отступления австрийцы потеряли сотни тысяч пленными, тысячи орудий, неисчислимое количество боевых запасов и принуждены были сдать нам, после сравнительно короткой осады, первоклассную крепость Перемышль.

Однако это отступление не повлекло за собой полного разгрома австрийцев, как то предполагалось замыслом нашего плана войны, не столько вследствие порочности этого плана – как утверждает генерал Головин – сколько вследствие неподчинения командования 3-й армией Юго-Западного фронта в критический момент Галицийской битвы оперативным указаниям штаба фронта.

Дело в том, что в то время как Галицийская битва на северном своем фасе, где оперировала главная масса австрийских войск, достигла своего максимального напряжения, штаб фронта указал 3-й армии, наступавшей в западном направлении с целью занятия главного города Галиции Львова, оставить против Львова заслон и переменить направление наступления на северо-запад, с тем чтобы выйти в тыл австрийцам, упорно сражавшимся на северном – главном – фасе битвы.

Вследствие болезненного состояния командующего 3-й армией генерала Рузского оперативное руководство армией находилось в руках ее начальника штаба генерала Драгомирова и генерал-квартирмейстера полковника Бонч-Бруевича, того самого Бонч-Бруевича, который после захвата власти большевиками сыграл столь гнусную роль при ликвидации Ставки.

Генерал Драгомиров считал, что главная цель армии – занятие сильно укрепленного, по мнению штаба армии, Львова, для чего упорно группировал на Львовском направлении главные силы своей армии, оставаясь глухим к указаниям штаба фронта о перемене наступления армии в северо-Западном направлении.

В этом генералу Драгомирову усердно помогал полковник Бонч-Бруевич, роль коего в этом была в высшей степени подозрительна. А именно он по собственному почину остановил движение армии вперед как раз в тот момент, когда от быстрого ее наступления зависел исход сражения на северном фасе Галицийской битвы.

Призванный к ответственности, он объяснил свое распоряжение недоразумением. Но время было потеряно, и австрийцам удалось поспешным отступлением с северного фаса избежать катастрофы, которая им угрожала со стороны 3-й армии, будь она в руках другого командования.

Остановка в наступлении 3-й армии вызвала со стороны Верховного Главнокомандующего повеление немедленно продолжать движение вперед; этим было ускорено отступление австрийцев, сопряженное для них с огромными потерями.

Это также показывает, сколь внимательно и мудро следил Верховный Главнокомандующий за развитием операций и сколь целесообразно было его руководство ими.

Случай этот показал, помимо недостатка так называемой оперативной дисциплины у некоторых высших начальников, также и недостаток в разведывательной работе при подготовке к войне.

Дело в том, что наш Генеральный штаб считал Львов первоклассной крепостью с соответствующим гарнизоном; поэтому командование 3-й армии считало необходимым для его занятия группировать на Львовском направлении не только все свои силы, но стремилось притянуть на это направление часть сил соседней 8-й армии.

По этой причине командование 3-й армии весьма неохотно и лишь с замедлением реагировало на указания штаба фронта о выделении значительных сил для действий в северо-Западном направлении и лишь после повторного категорического приказания двинуть армию в этом направлении исполнило это приказание.

Однако при исполнении этого приказания обнаружилось, что Львов не только не крепость, но что в нем вообще не было никакого гарнизона, так что его – к своему собственному удивлению и к удивлению штаба армии, – заняла совершенно незначительная наша войсковая часть. Всё это лишний раз доказывает, какое пагубное влияние на ход операций может иметь предвзятое представление о противнике, основанное на ошибочных или недостаточных данных разведки мирного времени, ибо задержка у Львова уменьшила размер нанесенного нами противнику поражения в Галиции, каковое при своевременном выходе 3-й армии в тыл австрийцев могло бы обратиться для них в полную катастрофу.

* * *

После нашей победы в Галицийской битве великий князь непрестанно настаивал на том, чтобы преследование отступавших из Галиции австрийцев велось самым энергичным образом, и в этом смысле Ставкой отдавались войскам Юго-Западного фронта многочисленные и неотступные повеления.

И надо сказать, что войска в максимальной мере отзывались на эти повеления Верховного Главнокомандующего и, не щадя своих сил, без отдыха преследовали отступающего противника.

Однако, несмотря на огромные потери, части отступавшей австрийской армии удалось достигнуть Карпат и укрепиться в их проходах.

Но несмотря на повторные наши попытки овладеть этими проходами и ворваться в Венгрию, нам это не удалось, отчасти вследствие трудной проходимости этих проходов, особенно в осенне и зимнее время, отчасти вследствие крайнего утомления наших войск после продолжительного преследования, а главным образом вследствие того, что в это время начало уже обнаруживаться грозное и чреватое страшными для нас последствиями явление – недостаток боеприпасов, – принудивший верховное командование отдать распоряжение: «беречь патроны».

* * *

В верховном руководстве Галицийской битвой великий князь проявил крайнюю решимость, настойчивость и неуклонное стремление к достижению цели. Он сделал всё, что можно было сделать в той обстановке войны, в которой Галицийская битва разыгралась.

Эта обстановка была значительно затруднена обязательством поддержать нашу союзницу Францию, вследствие чего планом войны были выделены против австрийской армии сравнительно скромные силы, особенно на правом главном фланге нашего Юго-Западного фронта; вместе с тем в критический момент Галицийской битвы на общую обстановку тяжелым бременем легла катастрофа армии генерала Самсонова, и, наконец, несоответствие сво-

ему назначению командования 3-й армии не дало нам возможности нанести австрийцам решительное поражение.

Своими целесообразными и решительными указаниями великий князь, елико возможно, поправил эти недостатки и обеспечил нам максимум успеха, который в этой обстановке можно было получить. И военное отличие орденом Св. Георгия 2-й степени за победу в Галицийской битве было лишь скромным воздаянием его заслуг в деле верховного командования и руководства военными действиями.

Но вместе с тем нельзя не отметить, что это трудное дело было ему значительно облегчено доблестью и безграничной жертвенностью наших войск.

* * *

После того как было во Франции, на Марне, остановлено немецкое наступление, главным образом благодаря мощному нашему содействию давлением на Германию, приведшему к гибели армии генерала Самсонова, немцы приступили к переброске с французского фронта нескольких корпусов на наш фронт для оказания помощи австрийской армии.

Сосредоточив в короткий срок благодаря чрезвычайно развитой своей железнодорожной сети довольно значительные против нас силы, они в середине сентября, когда еще не вполне было закончено наше сосредоточение, так как сибирские войска еще не прибыли на фронт, перешли в энергичное наступление на нашем фронте.

Наступление их развивалось в трех оперативных направлениях: в области Мазурских озер, в восточном направлении к реке Неману; из Восточной Пруссии в южном направлении к Бого-Наревскому фронту и из Западной Пруссии в юго-восточном направлении к Варшаве.

Наступление немцев имело для нас угрожающий характер как потому, что его направления могли вывести их в глубокий тыл всего нашего Юго-Западного фронта, так и потому, что наше сосредоточение на Северо-Западном фронте, как сказано выше, не было еще закончено.

Сразу же на всех трех направлениях немецкого наступления, к которому вскоре присоединилось еще и четвертое из района Познани на восток к Варшаве и Ивангороду, положение сделалось для нас критическим.

На первом из этих направлений после упорных боев в области Мазурских озер мы были отброшены на линию реки Немана, которую немцам, однако, не удалось перейти благодаря поддержке, которую оказали подоспевшими в последнюю минуту подкреплениями наши крепости Ковно и Гродно.

Более опасным было для нас немецкое наступление на Бого-Наревский фронт, особенно в части его, примыкающей к правому берегу Вислы, ибо при успехе оно давало возможность немцам отрезать весь Привисленский край со всеми нашими войсками, оперировавшими за Вислой и на левом ее берегу.

Поэтому немцы, сосредоточив на этом направлении весьма крупные силы, упорно добивались успеха повторными массовыми атаками. Временами положение – особенно в части фронта, прилегающей к Висле, – делалось для нас критическим, но, к счастью, подоспевшими на этот участок доблестным сибирским корпусам удалось, ценой громадных потерь и истинного геройства, остановить немецкое наступление и окончательно закрепить за нами этот опасный фронт.

На Зависленском фронте, особенно на правом его участке, прилегавшем к Висле, где оперировали главным образом конные наши части, положение сейчас же, после начала немцами наступления из западной Пруссии и из района Познани, сделалось для нас весьма тяжелым.

Крупные немецкие силы, наступавшие в этом направлении, без затруднения отбросили сравнительно незначительные наши силы и быстро развили наступление к Варшаве, с целью захвата варшавских мостовых переправ для переброски своих войск на правый берег Вислы и выхода в тыл упорно сопротивлявшихся наших корпусов на Бого-Наревском фронте.

Наступление немцев на этом направлении было столь стремительным, что некоторые наши части начали даже отходить через варшавские мосты на правый берег Вислы, так что появилась опасность потери для нас варшавской переправы.

Однако энергичным вмешательством Верховного Главнокомандующего и своевременной переброской на этот участок фронта стратегических резервов удалось и здесь остановить немецкое наступление, сохранив на левом берегу Вислы обширный тет-де-пон со значительным плацдармом для развертывания войск на этом берегу.

Именно тут и родилась легенда о том, что великий князь, стоя на варшавском мосту и физически расправляясь с высшими воинскими начальниками, лично остановил отступление и обеспечил за нами варшавскую переправу.

Столь же опасным было для нас наступление значительных сил противника на фронт Варшава – Ивангород, так как это наступление было оперативно согласовано с действиями австрийских войск на правом берегу Вислы в Западной Галиции.

Это наступление имело целью завладеть переправами через Вислу в Ивангороде и, перебросив значительные немецкие силы на правый берег Вислы, ударить в тыл нашего фронта в Западной Галиции, чтобы вырвать из наших рук достигнутую нами в Галицийской битве победу.

Сколько важное значение придавало немецкое верховное командование действиям на этом направлении, видно по тому, что оно сейчас же после катастрофы армии генерала Самсонова доверило руководство действиями на этом направлении Гинденбургу и Людендорфу, поставив их во главе имевшей действовать на этом направлении 9-й германской армии.

Для нас тяжесть действия на этом направлении усугублялась не только тем, что все наши силы были сосредоточены в районе Варшавы и на Бого-Наревском фронте, так что на этом направлении остались слабые второочередные части, но еще и тем, что незадолго передвойной Ивангородская крепость, защищавшая переправы через Вислу, была разоружена и верки ее были частично разрушены.

Разоружение Ивангородской, равно как и Варшавской крепости, последовало в связи с перенесением в начале столетия нашего стратегического развертывания из зависленской Польши в районы правого берега Вислы и отказа нашего от развития с началом войны наступательных операций в зависленской Польше, что было основным замыслом милитаристской стратегии.

Отказ же наш от этой стратегии и принятие более осторожного замысла войны, основанного на развертывании в области правобережной Польши, с опорой на крепость Брест-Литовск, явился следствием нашего ослабления в войне с Японией и сильным ростом германской военной мощи.

Однако тотчас же после начала войны Верховный Главнокомандующий обратил внимание на то, сколько важное значение будут иметь Ивангородские мостовые переправы при развитии нашего наступления в Западной Галиции, и принял решение восстановить, елико возможно, боеспособность верков упраздненной крепости Ивангород, с тем чтобы воспрепятствовать или во всяком случае затруднить немцам овладение этой переправой.

Эта задача была возложена на одного из самых талантливых и энергичных наших военных инженеров, полковника Шварца. Этот замечательный человек работал денно и нощно, творил буквально чудеса и привел в кратчайший срок запущенные и разрушенные верки Ивангородской крепости в такое состояние, что, опираясь на нее, сравнительно незначи-

тельные наши войсковые части не только оказали успешное сопротивление немцам, но даже отбросили их назад.

Таким образом, благодаря твердости характера и хладнокровию верховного командования, благодаря целесообразному введению в дело стратегических резервов, благодаря мудрому решению о восстановлении боеспособности Ивангородской крепости, а также благодаря доблести, особенно сибирских войск, нам удалось совершенно остановить так называемое осеннее немецкое наступление в Польше, имевшее целью облегчить критическое положение австрийской армии в Галиции, и немецкие войска принуждены были, не достигнув в Польше поставленной ими цели, отойти назад, к своей государственной границе.

* * *

Наши войска последовали за отступавшим из Польши противником и, достигнув государственной границы, остановились, выжидая результата предпринятой нами операции для укрепления крайнего нашего правого фланга в районе реки Немана.

Операция эта увенчалась полным успехом, и нам даже удалось вновь занять часть области Мазурских озер и Восточной Пруссии. Этому нашему успеху много способствовало то обстоятельство, что немецкое командование после своего неуспеха в Польше предприняло перегруппировку своих сил для нового наступления в Польшу и с этой целью перебросило часть своих сил из Восточной Пруссии в район Познань – Торн.

В этом районе сосредоточилась ударная группа в 5 1/2 корпусов, которая вскоре была усиlena несколькими корпусами, переброшенными с французского фронта. Эта ударная группа в начале ноября месяца неожиданно перешла в энергичное наступление в юго-восточном направлении, имея целью выйти во фланг и тыл всего нашего расположения в Польше.

Наши части, застигнутые врасплох, начали быстро отходить, и вскоре три зарвавшихся вперед немецких корпуса достигли Лодзи, которую наши части собирались уже очистить. Но эти части были решительным повелением Верховного Главнокомандующего задержаны в Лодзи, для сохранения ее в наших руках, пока не закончится задуманная нами операция с целью окружения этих зарвавшихся у Лодзи немецких корпусов.

«Этим повелением, – говорит Людендорф в своих воспоминаниях, – был нам нанесен железной волей великого князя большой ущерб».

И действительно, не прояви генерал Ренненкампф, которому было поручено с его войсками закрыть северный выход из окружения полнейшей неспособности и бесполковости, немцы, в результате этой блестяще задуманной и твердой волей великого князя проведенной операции потерпели бы катастрофическое поражение с пленением нескольких их корпусов. Благодаря же бездарности генерала Ренненкампфа, который за это наконец был уволен со службы, окруженные немецкие корпуса – хотя и с большими потерями – но всё же у Бржеязянь вырвались из окружения и присоединились к своей армии.

С душевным трепетом следя за развитием Лодзинской операции, мы в Ставке были настолько уверены в ее полном успехе, что начальникам военных сообщений было уже сделано распоряжение о подаче к Лодзи поездных составов для вывоза массы будущих немецких пленных.

Лодзинской операцией закончилось так называемое зимнее наступление немцев в Польше, в котором они, так же как и в осеннем своем наступлении, не достигли поставленной себе цели.

После этого обе стороны окопались и до весны военные действия в Польше носили позиционный характер с боями лишь местного значения.

* * *

После вторичного неуспеха своего наступления в Польше немцы решили вновь сделать попытку нанести нам удар восточнее реки Вислы с целью отрезать Польшу и выйти, таким образом, в глубокий тыл сосредоточенных там наших главных сил.

Для этого они в начале 1915 г. значительно усилили свою армию в Восточной Пруссии переброшенными с французского фронта корпусами и в начале февраля перешли в энергичное наступление из района Мазурских озер в направлении к реке Неман и на Бого-Наревском фронте в направлении к реке Бобр.

В результате упорнейших и кровопролитнейших боев, длившихся целых два месяца, немцы, не достигнув поставленной себе цели, принуждены были и здесь отказаться от продолжения своего наступления.

Во время этого немецкого наступления наши сибирские корпуса, занимавшие особенно важный в стратегическом отношении участок Бого-Наревского фронта, примыкавший к правому берегу Вислы, покрыли себя неувядаемой славой в боях под Праснышем, где не только отстояли свои позиции перед упорными и длительными атаками превосходящих сил противника, но и принудили его к отступлению.

Столь же успешно было оказано нами сопротивление на остальном Бого-Наревском фронте главным образом благодаря тому, что этот фронт опирался на крепость Осовец, которую немцам, несмотря на жестокие бомбардировки и повторные атаки, не удалось взять.

Менее благоприятно развились для нас операции на крайнем нашем правом фланге; здесь мы были вновь отброшены из области Мазурских озер и после ожесточенной борьбы в Августовских лесах, где мы потерпели громадные потери, были прижаты к реке Неману. Однако подоспевшими подкреплениями, вышедшими из оставшейся в наших руках крепости Гродно, положение и на этом фронте было в известной степени восстановлено и упрочено.

Хотя во время этих наступательных операций немцев положение неоднократно становилось чрезвычайно напряженным и мы в Ставке переживали иногда тревожные дни, однако наше верховное командование, так же как и в прежних операциях, сохраняло полное хладнокровие и твердость духа, и мудрым расходованием своих стратегических резервов привело эту борьбу к благоприятному для нас окончанию.

* * *

В то время как на нашем Северо-Западном фронте развивались вышеописанные немецкие наступательные операции, имевшие в конечном итоге цель облегчить катастрофическое положение Австрии, армии нашего Юго-Западного фронта продолжали свои операции в Карпатах, хотя и в значительно сокращенном объеме вследствие тяжелых условий зимнего времени и крайнего утомления войск.

Между тем немецкое верховное командование считало положение австрийских войск в Карпатах, несмотря на переброску им в помощь нескольких корпусов с французского фронта, непрочным, и опасалось, что нашим войскам всё же удастся весной прорваться через Карпаты и принудить Австрию к капитуляции.

Во избежание сего немецким верховным командованием было принято решение перейти к позиционной войне на французском фронте и приступить к массовой перевозке войск на восток, с целью генерального наступления на нашем фронте.

Это решение совпало с самым трагическим для нас моментом всей войны, когда боеспособность нашей армии была значительно уменьшена громадными потерями кадрового состава и когда были исчерпаны почти все наши боеприпасы.

Сосредоточенная под командой генерала Макензена в районе Кракова мощная ударная армия, составленная из корпусов, переброшенных с французского фронта, перешла 9 мая 1915 г. в стремительное наступление и глубоко пробила наш фронт в Западной Галиции, после чего началось общее наше отступление, продолжавшееся три месяца, во время которого мы принуждены были очистить всю Галицию, Польшу и Курляндию, потеряв при этом все свои крепости.

Будь в это время во главе русских войск самый великий военный гений, он был бы бессилен остановить это отступление, так сильно упала в это время боеспособность нашей армии: наше верховное командование, как раз в это время принуждено было отдать распоряжение не расходовать в день более пяти (!) снарядов на орудие, а десятки тысяч запасных, присланных на пополнение потерь, не имели ружей.

Но несмотря на это и несмотря на огромные потери во время отступления, наши войска, проявляя безграничную доблесть в арьергардных боях, отходили в порядке плечо к плечу, не теряя связи друг с другом, и немцам, по собственному их признанию, не удалось достигнуть поставленной себе цели, а именно уничтожения русской военной мощи и капитуляции России.

А сие следует, помимо доблести войск, в значительной мере приписать хладнокровию и твердости воли нашего Верховного Главнокомандующего в эти трагические для нас месяцы.

В начале августа немецкое наступление «выдохлось», фронт стабилизировался, наши измученные войска окопались и начали залечивать свои тяжелые раны.

При таком замечательном нашем верховном командовании, каковым оно было при великому князе Николае Николаевиче, и при такой доблести наших войск можно себе представить, сколь благоприятно и быстро могла бы закончиться для нас борьба на нашем фронте, будь снабжение нашей армии боеприпасами широко обеспечено и будь дело их пополнения в должной мере организовано.

Глава IX **Нехватка боевых припасов**

С первых же дней войны особенное внимание обратил на себя огромный расход боевых припасов, особенно артиллерийских снарядов, и это сильно озабочило верховное командование.

Немедленно приступили к выяснению возможно сти их пополнения, и вскоре в этом вопросе, имевшем основное значение для ведения войны, обнаружилась весьма тревожная картина.

Оказалось, что даже те, более чем скромные, нормы боевых запасов, кои были намечены планами военных заготовок, составленными на основании опыта Русско-японской войны, где их расход был значительно меньший, чем оказался в мировой войне, не были достигнуты, и что это было скрыто военным министром от Государя и правительства.

Вместе с тем оказалось, что наша промышленность совершенно не в силах пополнять огромный расход артиллерийских снарядов и винтовок, который войска теряли десятками тысяч, и что не было предпринято решительно никаких мер к увеличению производительности нашей промышленности в военное время.

Военный министр старался оправдаться тем, что никто не предвидел такой огромный расход боевых припасов и не ожидал, что война будет столь продолжительной.

Однако же во Франции, где боевой запас был рассчитан на тех же основаниях, как у нас, и в Германии, где он был предусмотрен на 30 % больше нашего, установленные нормы были перед войной достигнуты полностью.

Между тем Германия располагала для пополнения расхода своих боевых припасов промышленностью громадной производительности, а Франция, хотя и не располагала такой промышленностью, но могла легко прибегнуть к помощи извне благодаря своей обеспеченной связи с Англией и Америкой.

Между тем Россия, не имея даже полностью тех боевых запасов, кои были предусмотрены недостаточными нормами, не располагала ни достаточной мощной промышленностью, ни возможностью достаточно широко прибегнуть к помощи извне.

В этом именно и оказалась легкомысленная непредусмотрительность военного министра и его полная неспособность вдумчиво оценить обстановку, в которой должна была оказаться Россия в случае войны с Тройственным союзом.

* * *

Военному министру, даже при поверхностном рассмотрении этой обстановки, должно было бы стать ясным, что в случае такой войны, когда Россия должна будет призвать под знамена многие миллионы запасных, ее слабо развитая промышленность не будет в состоянии удовлетворить нужд армии, а между тем именно в такой войне снабжение извне окажется чрезвычайно затруднительным вследствие пресечения ее главных сообщений с заграницей.

Поэтому он должен был своевременно поставить в известность правительство о таком положении вещей, чтобы оно могло заблаговременно принять меры для увеличения военной производительности нашей промышленности и для обеспечения снабжения боевыми припасами из-за границы.

Но так как военный министр не только скрыл от правительства истинное положение вещей, но даже давал в этом отношении успокоительные заверения, оно узнало о катастрофическом состоянии снабжения нашей армии боевыми припасами уже после начала войны, и лишь тогда приняло меры, когда уже было слишком поздно.

* * *

При тех технических средствах, которыми Россия располагала, значительное увеличение производительности в короткий срок было, конечно, особенно после начала войны совершенно невыполнимо. Для этого нужны были годы.

Поэтому, приступив по силе возможности к развитию своей военной промышленности, нам пришлось одновременно обратиться за срочной помощью извне.

Но тут мы сразу же натолкнулись на трудно преодолимые затруднения, явившиеся следствием непредусмотрительности военного министра, каковые гибельно повлияли на срочное получение этой помощи извне.

Во-первых, оказалось, что не было своевременно предпринято никаких мер для обследования производительности за границей промышленности и не было установлено предварительной связи с соответствующими фирмами для использования на нужды нашей армии в случае войны.

Между тем после начала войны вся иностранная промышленность, включая и промышленность нейтральных держав, была завалена срочными заказами наших предусмотрительных союзников и не могла уже принять заказов от нас.

Правительственным органам, на кои было возложено разрешение этого вопроса, пришлось бросаться во все стороны, и при этом они неминуемо попадали в руки разных между-

народных аферистов, которые много обещали, но из своих обязательств мало что исполняли. В результате терялось много драгоценного времени, а приобретенные таким путем сравнительно незначительные количества боевых припасов были во многих случаях неудовлетворительного качества.

Производство и приобретение за границей достаточного количества боевых припасов для нашей армии удалось наладить, после длительной и упорной подготовки, лишь к осени 1915 г., т. е. уже после того, как закончилось общее наше отступление, вызванное, как мы знаем, катастрофическим недостатком боевых запасов.

* * *

Во-вторых, сразу же возник вопрос о способах доставки боевых припасов из-за границы.

Так как дело шло о громадных грузах и о срочности их доставки, необходимо было располагать путями сообщения большой провозоспособности, именно на тех кратчайших направлениях, которые связывали место нагрузки этих грузов за границей с местами их выгрузки в России.

Однако с началом войны все железнодорожные связи России с Западной Европой и морские сообщения по Балтийскому морю были прерваны, а когда, через два месяца после начала войны, выступила против нас Турция, были прерваны и морские сообщения через турецкие проливы. Между тем по всем этим сухопутным и морским путям сообщения проходило в мирное время 97 % всего ввоза из-за границы в Россию.

Таким образом, вскоре после начала войны в нашем распоряжении остались для срочного ввоза огромных количеств боевых припасов и всех других предметов, необходимых для жизни страны, лишь те пути, по коим обычно проходило 3 % нашего нормального ввоза.

Эти пути были: 1) связь с бассейном Атлантического океана через Ледовитый океан, Белое море, Архангельск и далее по Архангельской железной дороге; и 2) связь с бассейном Тихого океана и далее через всю Сибирь по Сибирской железной дороге.

Из этих двух путей сообщения имел для нас значение первостепенной важности первый из них, ибо в бассейне Атлантического океана находились главные наши заграничные поставщики боевых припасов – Америка, Англия и Франция.

В бассейне же Тихого океана находились второстепенные наши поставщики – Япония и слабо развитые в промышленном отношении западные штаты Северной Америки; поэтому из этого бассейна добывалась сравнительно незначительная часть необходимого нам снабжения, с доставкой коего Сибирская железная дорога, вследствие своей малой провозоспособности и огромных расстояний, всё же едваправлялась и требовала для этого громадного времени.

Оставшиеся же еще связи со Швецией и с Румынией не имели в снабжении нашей армии никакого значения, ибо Швеция была особо благорасположена к Германии и не пропускала в Россию никаких военных грузов, а через Румынию Россия не могла ниоткуда получить боевых припасов.

Между тем связь с бассейном Атлантического океана, при посредстве коей должны были быть доставлены на фронт те громадные количества боевых припасов, от которых зависело сохранение боеспособности нашей армии, была в отчаянном состоянии.

По этому пути доставлялось в мирное время в Россию 0,01 % ее нормального ввоза. Провозная способность Архангельской железной дороги, удовлетворявшая в мирное время этому незначительному количеству, едва достигала 2–3 пар поездов в сутки, а сама железная дорога, проложенная в части своей по топким пространствам северной тундры, была чрезвычайно ненадежна. Пропускная способность Архангельского порта, где не было никаких

разгрузочных набережных, выражалась в цифре 1–2 парохода в неделю, да и то в течение 5–6 месяцев в году, ибо на остальное время года он замерзал.

Между тем морской путь из Атлантического океана в Архангельск оказался под ударами немецких подводных лодок, а на севере не было у нас никаких морских вооруженных сил, ибо никто никогда даже не намекал морскому ведомству на то, что северный путь может иметь во время войны какое-либо значение для поддержания боеспособности нашей армии.

* * *

Так как почти все наши морские вооруженные силы оказались после начала войны запертными в Балтийском и Черном морях, пришлось для охранения Северного морского пути обратиться за помощью к Англии, покупать разные суда в нейтральных государствах и отправить из Владивостока через Суэцкий канал небольшое число пригодных для сего судов из состава Владивостокской флотилии.

На всё это потребовалось немало времени, и прошло немало месяцев, прежде чем охрана этого пути, несмотря на проявленную всеми органами и чинами морского ведомства невероятную энергию, была вполне организована.

Вместе с тем на морское ведомство были возложены работы по увеличению пропускной способности Архангельского порта, по созданию нового разгрузочного порта в малозамерзающем Кольском заливе, а также заботы по покупке и постройке за границей мощных ледоколов для сколь возможно большего увеличения навигационного периода в Белом море.

И тут в борьбе с суровыми климатическими условиями, с отсутствием самых необходимых средств и с разнообразными затруднениями чины морского ведомства проявили просто чудеса находчивости и энергии и довели порученные им дела в сравнительно незначительный срок до благополучного конца.

Одновременно с этим министерство путей сообщения вело энергичные работы по увеличению провозоспособности Архангельской железной дороги и по постройке ветки вокруг Белого моря к Кольскому заливу.

* * *

Хотя во всех работах по организации морской охраны и по увеличению провозоспособности морских и сухопутных путей сообщения были проявлены сверхчеловеческие усилия, всё же эти работы, которые в обычных условиях потребовали бы много лет, увенчались успехом лишь к концу 1915 г., т. е. много месяцев спустя после того трагического положения, в котором оказалась наша армия в 1915 г. вследствие недостатка боевых припасов.

Но в конце 1915 г. была достигнута достаточная провозоспособность для сравнительно быстрой доставки на фронт прибывающих из-за границы всех тех громадных количеств боевых припасов, кои были необходимы для восстановления и поддержания боеспособности нашей многомиллионной армии.

То критическое положение, в котором оказалась Россия в отношении своих сообщений с заграницей во время войны, яснее всего показывает полнейшую непредусмотрительность, неспособность вдумчиво оценивать обстановку и отсутствие соответствующей объединенной деятельности в вопросе подготовки государства к войне.

Для всякого хоть сколько-нибудь интеллигентного человека было ясно, что в случае войны с Германией и Австрией Россия неминуемо лишится всех своих железнодорожных сообщений с Западной Европой и своих морских сообщений по Балтийскому морю.

Между тем после младотурецкой революции и наложения Германией своих рук на Турцию не могло подлежать сомнению, что наши морские сообщения через турецкие проливы

окажутся, в случае войны с Германией, под серьезнейшей угрозой, и что таким образом Россия может оказаться почти совсем отрезанной от своих союзников и вообще от внешнего мира.

* * *

Даже оставляя в стороне капитальной важности вопрос о снабжении армии, правительство не имело права не задуматься серьезно над тем пагубным влиянием, которое имело бы на экономическую и социальную жизнь страны, а вследствие этого и на ее способность вести войну, – потеря 97 % путей сообщения, по коим совершался ее товарообмен с внешним миром. Оно не смело не задуматься над этим уже и по той причине, что в истории России был тому разительный пример, когда она во время Крымской войны 1854–1856 гг. была принуждена к капитуляции, главным образом вследствие прекращения этого товарообмена.

Если бы правительство отдавало себе во всём этом отчет, оно задолго до войны предприняло бы все меры к увеличению провозоспособности северного пути; а так как этот путь, даже при максимальном своем развитии, далеко не был бы в состоянии восполнить потерю главных юго-западных путей, оно должно было бы направить все свои дипломатические усилия к тому, чтобы сохранить в случае войны пути сообщения через турецкие проливы. Если бы эти дипломатические усилия не увенчались успехом, оно должно было бы принять меры для всесторонней и энергичной подготовки к решению этого вопроса в случае войны силой и должно было бы дать в связи с этим определенные директивы военному и морскому ведомству.

Между тем, как известно, правительством не было предпринято до войны решительно никаких мер для увеличения провозоспособности северного пути, а задача обеспечения в случае войны сообщений через турецкие проливы не была им определенно поставлена нашей внешней политике и вооруженной силе, от коих решение этой задачи непосредственно зависело.

Иными словами, правительство в деле подготовки тяжелой войны, которая России угрожала, проявило не только полную непредусмотрительность и неразумение, но и преступную небрежность.

* * *

Руководители нашей внешней политики рассматривали вопрос о турецких проливах как отдаленную цель русских национально-государственных стремлений, для достижения коей следовало бы выжидать благоприятной обстановки, и выдвинули эту цель лишь значительно спустя после начала войны.

В той же приблизительно концепции рассматривало этот вопрос и руководство нашими военными силами, связывая его решение с результатами победоносной войны против Тройственного союза. Таким образом, и руководители нашей внешней политики, и руководители наших вооруженных сил рассматривали вопрос о турецких проливах безотносительно к капитальной его важности для успешного ведения самой этой войны, ибо никто не поставил их своевременно в известность об этом и не потребовал от них принятия соответствующих мер для обеспечения в случае войны наших сообщений через них.

Сие же явилось прямым следствием отсутствия у нас объединенного кабинета министров, ответственного за целесообразное направление государственной политики и подготовку страны к войне.

Вопросу о проливах, от успешного решения коего безусловно зависел исход войны, будет посвящена отдельная глава во второй части этих воспоминаний.

Глава X Военные действия на море

Подготовка флота к войне не оставляла желать ничего лучшего. Боевые припасы, то есть снаряды, самодвижущиеся мины, мины заграждения, уголь, нефть и всё другое, необходимое для флота, было заготовлено в таком количестве, что за всё время войны флот ни в чём не ощущал никогда ни малейшего недостатка.

Мало того, запасы эти были в таком изобилии, что благодаря им представлялась возможность расширить поставленные флоту планом войны задачи и что даже некоторую, правда, незначительную часть своих запасов флот мог уступить армии.

Благодаря целесообразной и мудрой работе учрежденного после войны с Японией молодого Морского Генерального штаба планы войны на морях были всесторонне разработаны в полном соответствии с реальной обстановкой и приведены в тесное согласие с планами войны сухопутных сил, а обоим флотам – Балтийскому и Черноморскому – были поставлены определенные задачи, вытекающие из обстановки и требований армии.

Подготовка личного состава к войне была доведена до никогда еще не бывалого совершенства, и достижения наши на этом поприще – особенно разработанные нашим личным составом методы стрельбы и употребление мин заграждения, – были переняты нашими союзниками, в частности, даже англичанами, которые считали эти наши достижения верхом совершенства.

Такой поистине исключительно замечательной подготовкой к войне, которой дивились не только наши союзники, но и противники, Россия обязана, с одной стороны, тому, что молодое поколение морских офицеров, прошедших через горнило тяжелого испытания войны с Японией, не пало духом, несмотря на перенесенные им унижения, а умудренное горьким опытом и любя свой флот, дружно посвятило всего себя делу его возрождения.

С другой стороны, решающая заслуга в деле этого возрождения принадлежит тем замечательным начальникам и руководителям, которые стояли в этот период времени во главе флота и морского ведомства.

Можно с уверенностью сказать, что никогда в истории России не было во главе ее морского ведомства столь мудрого, благородного и просвещенного человека, каковым был незабвенный адмирал Иван Константинович Григорович.

Окружив себя блестящими сотрудниками, И. К. Григорович, чуждый каких-либо эгоистических или карьерных соображений, выдвигал на руководящие посты и привлекал к работе возрождения флота лучшие силы его личного состава и воодушевлял их своим личным примером.

Находясь до назначения своего морским министром целый ряд лет на посту товарища морского министра, в руках коего была сосредоточена вся хозяйственная и техническая часть морского ведомства, именно адмирал И. К. Григорович довел материальную подготовку флота к войне до совершенства.

Перейдя в 1911 г. на пост морского министра, И. К. Григорович передал должность своего товарища адмиралу М. В. Бубнову, который безупречно продолжал это дело.

На пост начальника Морского Генерального штаба, в руках которого была сосредоточена стратегическая подготовка к войне, И. К. Григорович привлек проникнутого сознанием своего долга адмирала А. И. Русина. Адмирал А. Русин продолжал и во всех деталях закончил начатое его блестящими предшественниками, адмиралами Брусиловым и св. князем Ливеном, дело стратегической подготовки и составления планов войны.

И, наконец, самым главным было то, что подготовка личного состава, его воспитание и образование находились на Балтийском море в руках командующего флотом героя войны

с Японией адмирала Н. О. Эссена, который вложил в дело этой подготовки всю свою душу и обширные знания; пользуясь среди личного состава великой любовью и популярностью, он создал свою замечательную «школу» и записал свое имя в историю флота наравне с именами самых выдающихся наших флотоводцев – адмиралов Ушакова, Сенявина и Макарова.

И вот дружными и неутомимыми усилиями личного состава флота, во главе с такими выдающимися и преданными своему делу начальниками, каковыми были адмиралы Григорович, Русин и Эссен, подготовка нашей морской силы за каких-нибудь восемь лет, истекших после ее поражения в войне с Японией, была доведена к 1-й мировой войне до степени совершенства, граничащей действительно с чудом.

Этим было воочию доказано, на что способен крепкий духом и проникнутый любовью к своему делу личный состав вооруженной силы.

Так как к началу войны флот не располагал еще современными судами, ибо находившиеся в постройке не были закончены, военные действия в начале войны велись лишь устарелыми судами; но из этих устарелых судов личный состав сумел извлечь такую боевую пользу, что не только выполнил все задачи, поставленные ему планом войны, а на Балтийском море эти задачи даже и значительно расширил.

* * *

В согласии с требованием армии Балтийскому флоту была поставлена планом войны задача воспрепятствовать с самого начала войны каким-либо наступательным действиям против Петербурга и со стороны моря ни в коем случае не допустить проникновения противника вглубь Финского залива.

Для развития военных действий на сухопутном фронте успешное выполнение флотом этой задачи имело значение первостепенной важности, ибо этим достигалась возможность немедленной переброски на фронт четырех лучших наших корпусов, расположенных в мирное время в районе столицы и на берегах Финского залива.

Так как германский флот был неизмеримо сильнее нашего малочисленного Балтийского флота, составленного к тому же из устарелых судов, Морским Генеральным штабом был разработан глубоко продуманный и всецело отвечающий обстановке план, замысел коего состоял в том, что флот должен был выполнить свою задачу, опираясь на заранее подготовленную и укрепленную позицию, расположенную поперек Финского залива, недалеко от его устья.

Эта позиция, устроенная на целесообразном месте, и укрепленная минными заграждениями и фортификационными сооружениями, давала нашему слабому флоту столь мощную опору, что он действительно был бы в состоянии, опираясь на нее, не допустить прорыва к столице даже весьма значительных сил противника.

И немцы, зная это и верно оценивая мощность организованной нами таким образом обороны Финского залива, ни разу за всю войну не сделали даже попытки вести в нем какие-либо операции.

Но этим выполнением поставленной ему планом войны задачи деятельность Балтийского флота не ограничилась: благодаря изобилию боевых запасов командование флотом тотчас же после начала войны приступило к организации не предусмотренной для него планом войны обороны Рижского залива, путем постановки у его входов минных заграждений, сооружения батарей и углубления стратегических фарватеров для действия частей флота в самом заливе.

К лету 1915 г. оборона Рижского залива настолько уже подвинулась вперед, что попытки частей германского флота оперировать в этом заливе были отбиты со значительными для них потерями и больше до революции, расстроившей эту оборону, не повторялись.

Между тем прочная оборона нашим флотом Рижского залива имела весьма благоприятное влияние на обстановку у крайнего правого фланга всего нашего сухопутного фронта, который после общего отступления в 1915 г. оперся на этот залив, ибо эта оборона воспрепятствовала немцам предпринять операции в тыл этого фланга из Рижского залива.

Но помимо этой успешной оборонительной деятельности нашего флота, разгрузившей наше верховное командование от забот по обороне войсками всего побережья Балтийского моря и его заливов, части Балтийского флота предпринимали в течение зимы 1914/15 г. ряд наступательных операций с целью постановки минных заграждений в водах противника.

Операции эти производились относительно тихоходными и устарелыми судами, вдали от своих баз и в водах, где противник располагал огромным преимуществом сил новейшего типа. По своей невероятной смелости эти операции превосходили всё, что возможно себе вообразить, и ясно свидетельствовали о крепости духа и совершенстве подготовки личного состава Балтийского флота.

Весной 1915 г. в состав Балтийского флота начали поступать закончившие свою постройку броненосцы новейшего типа, каковых к концу войны в составе флота было четыре. С вступлением этих броненосцев в строй вся система обороны нашего Балтийского театра войны и правого фланга нашего сухопутного фронта получила вполне надежную и непоколебимую опору.

Между тем, тотчас же по вступлении в строй первых двух новых броненосцев, командование Балтийским флотом вознамерилось использовать их для наступательных операций в водах противника.

Однако так как немцы располагали двадцатью броненосцами новейшего типа, риск потери наших двух броненосцев при исполнении этих операций, кои к тому же не могли иметь хоть сколько-нибудь решительных результатов, был слишком велик; а риск этот был совершенно недопустим, потому что мы рисковали значительно ослабить этим всю систему обороны Балтийского театра войны как раз в самый критический момент всей войны, после общего отступления нашего сухопутного фронта и прихода его правого фланга в район побережья Балтийского моря и его заливов.

Принимая во внимание общую обстановку и то тяжелое влияние, которое в этой обстановке могло бы иметь на ход всей войны малейшее ослабление системы обороны Балтийского моря, Верховный Главнокомандующий не счел возможным разрешить командующему Балтийским флотом употреблять новые броненосцы для таких наступательных операций, кои были бы сопряжены с риском их по тери.

Это запрещение, прямо вытекающее из общей обстановки войны, а потому во всех отношениях необходимое и целесообразное, вызвало, однако, жестокие нарекания личного состава Балтийского флота на морское управление Верховного Главнокомандующего, которое обвинили в том, что оно якобы «не сумело защитить боевые интересы флота».

Это ясно показывает, с одной стороны, сколь трудно бывает местным бойцам правильно оценить общую обстановку войны, а с другой стороны, показывает, сколь трудна и ответственна задача верховного командования, коему подчас приходится во имя требования общего хода войны ограничивать смелые порывы своих бойцов.

Черноморскому флоту была планом войны поставлена задача обороны нашего побережья и обеспечения наших морских сообщений на Черном море.

Несмотря на то что именно на этом море лежала, как мы знаем, первостепенной важности для успешного ведения войны задача обеспечения наших сообщений с внешним миром через турецкие проливы, и что она составляла, как мы увидим ниже, национальную цель нашей государственной политики, эта задача ни в каком виде Черноморскому флоту планом войны не была поставлена, и в мирное время, предшествовавшее войне, никакой подготовки для ее решения не велось.

Хотя к началу войны Черноморский флот состоял из незначительного числа судов устарелого типа, однако, принимая во внимание ничтожные силы турецкого флота и упадочное его состояние, силы Черноморского флота были, до прихода в проливы немецких крейсеров «Гебена» и «Бреслау», более чем достаточны для успешного исполнения поставленной ему планом войны скромной задачи.

* * *

Тотчас после начала войны от прекрасно организованной разведки штаба Черноморского флота стали поступать повторные и совершенно определенные агентурные сведения о том, что Турция деятельно готовится выступить против России, что она всё больше подпадает под влияние Германии, и что ее выступление оттягивается лишь потому, что было необходимо привести в порядок под руководством немцев и с помощью посылаемых из Германии боевых средств совершенно запущенную и не отвечающую своему назначению фортификационную оборону проливов Дарданелл и Босфора.

Задолго до войны штаб Черноморского флота располагал точными данными о совершенно неудовлетворительном состоянии устаревшей обороны Босфора и на основании этих тщательно проверенных данных полагал, что даже с наличными силами Черноморского флота возможно прорваться через Босфор к Константинополю; однако лишь при непременном условии предпринять эту операцию внезапно и, во всяком случае, пока немцы не успели еще привести оборону Босфора в некоторый порядок.

После прибытия 10 августа к Константинополю из Средиземного моря немецких быстроходных крейсеров «Гебен» и «Бреслау» успешное выполнение поставленной планом войны Черноморскому флоту задачи сделалось чрезвычайно затруднительным, и командующий флотом, зная от агентурной разведки о временном ослаблении боеспособности этих крейсеров после их продолжительного крейсерства по Средиземному морю, возымел намерение немедленно прорваться через Босфор к Константинополю и уничтожить там эти крейсера, пока они своей боеспособности еще не восстановили.

Этим Турция была бы удержана от выступления против нас, что, как мы знаем, имело бы весьма благоприятное влияние на ход войны.

Так как такая операция, направленная против пока еще нейтральной державы, выходила далеко за пределы прав Верховного Главнокомандующего, командующий флотом обратился со срочной просьбой о разрешении этой операции непосредственно к Государю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.